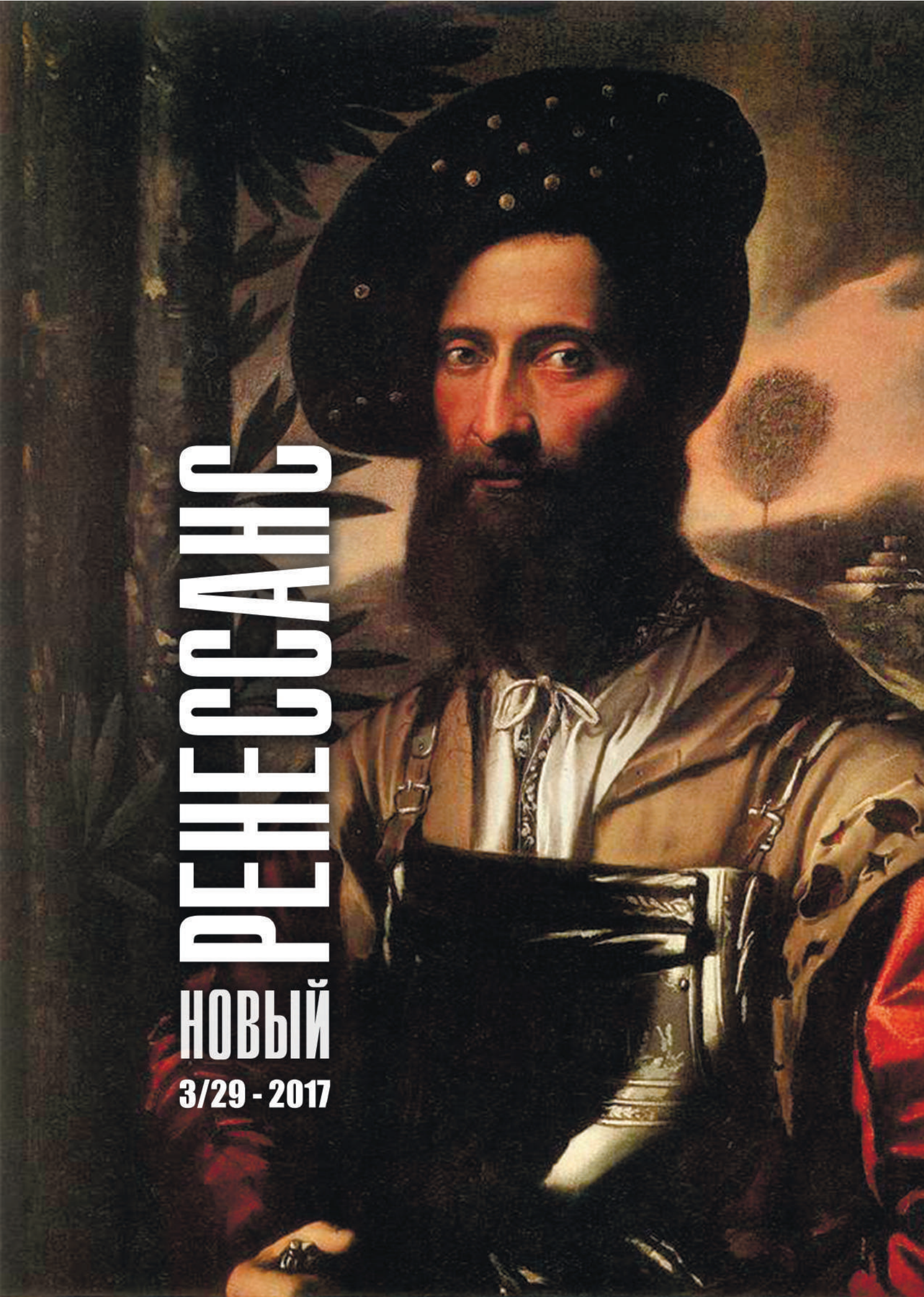


РЕНЕССАНС

НОВЫЙ

3/29 - 2017

ЛАДА И «ТОМА»

Baumgarten
Carat und
seine Freunde

БЕЗ ЛИЦА

ТОМА БЛЮМ
ЗМЕЯ
ПОДКОЛОДНАЯ

ТОМА БЛЮМ
БЕЗУМСТВУ
ХРАБРЫХ

ТОМА БЛЮМ
РАНДЕВУ
с писсуаром

В издательских и писательских кругах, а также среди русскоязычных читателей Германии, России, Украины, Грузии имена Лады Баумгартен и Томы Блюм хорошо теперь известны, благодаря созданным Ладой в Германии издательству STELLA, культурно-публицистическому журналу «Новый Ренессанс» и Международной гильдии писателей и, конечно, благодаря популярности авантюрно-приключенческих романов, написанных «Томой Блюм», тем более что Лада и «Тома» — это одно и то же лицо.

Итак, Лада Баумгартен — успешный предприниматель, писатель, издатель, президент Международного фестиваля литературы и искусства «Русский Stil» и общественный деятель. О ее статусе и успехах можно много говорить, но не в них дело, да и к тому же из интернета, где перечисляются ее заслуги и звания, читатель легко узнает об этом. Влезть в голову женщины, да еще творческого человека куда труднее, чем оценить ее деятельность.

Прежде всего, Лада — яркая и интересная личность. В редком сочетании эрудированного и остроумного творческого человека и красивой, общительной женщины. У нее дружная семья и издательство STELLA — семейный бизнес. STELLA издает художественную и научную литературу преимущественно на русском языке, книги известных и начинающих авторов; издательство популярно далеко за пределами Германии.

Прекрасный организатор — Лада часто устраивает писательские конференции, конкурсы, творческие поездки по Германии и в другие страны, где налаживает связи с местными писательскими организациями. И при всей этой немыслимой нагрузке Лада... пишет романы! И очень неплохие романы, надо сказать. Кроме того, она имеет тысячу друзей, с которыми почти ежедневно общается в фейсбуке. Остается только удивляться энергии и работоспособности этого человека. Но это ее привычное и любимое состояние, и она счастлива. Сегодня Лада живет в полном согласии сама с собой активной и насыщенной событиями жизнью. Но это — сегодня, а как было «вчера»?

На самом деле путь Лады к себе сегодняшней был вовсе не усыпан розами, а ее жизнь не похожа на сказку о Золушке. Несмотря на то, что она хорошо окончила школу, работала художественным руководителем, город ее детства и молодости российский Рыбинск не дал ей раскрыть весь свой творческий потенциал. Она уехала в Ленинград, закончила Культпросвет училище, а затем занялась книжным бизнесом, который, по ее мнению, должен был стать отличной платформой для ее издательских и писательских идей. 90-е годы были сложным временем испытаний и разочарований, но, несмотря на это, Лада получила неоценимый опыт, который очень пригодился ей в Германии. Но и здесь она многому училась, и здесь было тяжело, но со временем дела пошли лучше, и, наконец, она смогла осуществить свои деловые и творческие планы. Творческие — потому что все это время Лада продолжала писать.

Продолжала писать…

— Скажите, а когда вы вообще начали писать?

— Давно когда-то начала. Сначала записки, дневники, короткие рассказы, потом статейки пошли в газеты. Потом жизненные зарисовки — их было много: время менялось, и менялись люди, это было страшно интересно, а я не могла выражать свое отношение к миру иначе, чем писать. И расписалась...

— И все же, почему? Что это было — жажда самовыражения, неудовлетворенность или, может быть, тщеславие: вы думали о своей большой книге, благо это стало доступно и легко?

— Ну, это всего лишь толчки перед извержением вулкана... На самом деле у меня в голове всегда носились какие-то странные сюжеты, будоражащие воображение, фантазию. Они носились и выстукивали такое фламенко, что это становилось мучительным... до тех пор, пока сюжеты не выплескивались в строчки на бумаге.

Между тем жизнь шла своим чередом. Издательство STELLA набиралось сил и становилось все популярнее. Оказалось, многим людям, живущим за рубежом, было что рассказать, многие хотели иметь свои книги. Лада занималась большой и напряженной общественной работой, поставив целью объединить как можно больше пишущих на русском языке людей, живущих вне России. Была создана Гильдия писателей, в которую входят не только самодеятельные, но и профессиональные писатели, разъехавшиеся по миру. «Русский язык должен жить везде» — таков девиз писательской организации, таков девиз Лады. Гильдия устраивает писательские конкурсы, налаживает контакты с другими творческими союзами, публикует статьи и произведения своих авторов в журнале «Новый Ренессанс». Один из последних проектов — КИТЕМЕА, созданная совместно с московскими кинематографистами академия кино для детей, где они могут познать азы актерского, режиссерского и операторского искусства. Интересный проект — кто знает, какие таланты откроются в человеке...

Писательская страсть тоже никуда не исчезла. Публикации Лады в начале двухтысячных появлялись в журналах «Восточный курьер», «Диалог», «Женщина в Европе» (электронный) в Германии и в газете «Соотечественник» (Австрия). Затем была написана трилогия о приключениях провинциальной журналистки, и одна из частей под названием «Последняя охота», посвященная жертвам сталинских репрессий, вышла книгой в августе 2006 года в австрийском издательстве «Соотечественник». И в этом же издательстве, в сборнике избранных произведений «Венский литератор», в сентябре 2006 года был опубликован ее рассказ «Собачья жизнь».

Все последующие свои произведения (четыре романа) Лада публиковала уже в издательстве STELLA под псев-

донимом Тома Блюм. Глядя на нее, вопрос: «Когда же она успевает делать все это?!» застревает в горле — она не похожа на тихую скромницу или на «вещь в себе», в ней полно энергии, молодости и решимости человека, знающего, что делать. В то же время она открыта и доверительна, а простота в общении для писателя, знающего о своей известности — хороший признак, располагающий к взаимной откровенности.

— Ваши романы весьма неплохи, в них есть интрига, игра ума, нескучное действие, ясность и завершенность сюжета, но также, да, дерзкая откровенность некоторых сцен. Итак — почему вы пишете под псевдонимом? Боитесь критики? Ну да, если будет, то пусть обрушится на голову Томы Блюм? Или, наоборот, не терпите неискренней комплиментарности от людей, зависящих от Лады Баумгартен и знающих, что автор романов вы?

— Нет. (Смеется). Потому что Лада Баумгартен и Тома Блюм — это не совсем один и тот же человек. Лада — организатор, руководитель и прогнозист, она не имеет права быть сентиментальной и слабой, иначе все полетит к черту. Тома Блюм пишет книги; влезая в образы своих героинь, она должна страдать, сомневаться, быть импульсивной, глупой, находчивой или дерзкой, чтобы понять, почему они поступают так, а не иначе... Вот сколько состояний и эмоций. И Тома Блюм может позволить себе то, что неприемлемо для Лады.

— Не совсем согласен, все-таки аналитика и жесткая концептуальность сюжетов в ваших книгах говорят о том, что в Томе Блюм что-то есть от Лады Баумгартен. А как относится издатель и ответственный секретарь МГП Лада Баумгартен к творчеству Томы Блюм?

— С интересом и любопытством. Хотелось бы только пожелать, чтобы она имела больше времени сидеть за письменным столом... Впрочем, по той же причине Тома Блюм злится иногда на Ладу. Но, в общем, они сосуществуют мирно и поддерживают друг друга: издатель не ограничивает писателя в желаниях и возможностях, а писатель с пониманием и уважением относится к работе издателя. И не только как издателя, а и во всех других областях. Мы ведь переросли издательство STELLA, расширили программы деятельности и осваиваем несколько новых направлений.

— Скажите, а как относится семья к романистке Томе Блюм и участвует ли она в жизни Лады?

— О, они — единомышленники, соратники и верные друзья Лады. А когда я становлюсь Томой Блюм, они терпеливы и внимательны, и они — мои первые критики. Сын, читая роман, иногда требует больше действия; Штеффену в общем нравятся мои сюжеты, но некоторые поступки героинь он не понимает. Другая ментальность. Самое забавное, на самом деле вот это «раздвоение личности» они не признают: для одного я — жена, для другого — просто мама...

Над столиком кафе в парке сгущались сумерки. Подул ветерок, напоминая о том, что беседа затянулась. Мне было интересно: мы говорили о литературе и русском языке, сожалея, что многие из пишущих людей проспали школьные уроки грамматики и литературы, говорили о кино, музыке, политике и живописи, а также на темы, абсолютно с искусством не связанные. Но пора было прощаться. Конечно, беседуя с человеком, наполненным духовностью и огромной творческой энергией, всегда хочется узнать и рассказать о нем больше.

Лада и «Тома Блюм». Что же можно еще сказать в одном журнальном интервью об этом удивительном союзе — деловой женщины, издающей книги и объединяющей писательские таланты, писательницы, автора пяти книг? Только одно: обе живут насыщенной и полнокровной жизнью, обе занимаются своим любимым делом — это благородная миссия и, безусловно, день сегодняшний они могут занести себе в актив. Они на правильном пути, и что-то подсказывает, что в будущем, если какие-нибудь потрясения не изменят нашу жизнь, этот интересный творческий союз обязательно будет успешным, тем более что Лада и «Тома» — это одно и то же лицо.

Беседовал Анатолий Сигалов,
член МГП

ДЕТСКИЕ ПРОГРАММЫ ОТ МГП

Кинолагерь — это новое направление в работе гильдии писателей, которое успело себя зарекомендовать среди детей и их родителей. Два года подряд у ребят, интересующихся кино, существует уникальная возможность не только увидеть на съемочной площадке реализацию собственного замысла, но и стать частью настоящей киногруппы, где ребята вместе с профессионалами осваивают этапы создания кинопродукта: от идеи и сценария до съемки.

Спецификой летнего кинолагеря неизменно является интересная программа, направленная на развитие творческого начала у каждого ребенка через игровые занятия, интересные задания и, главное, практический курс. Ведь всем известно, что невозможно научиться делать кино на бумаге. Самый ценный опыт приобретается на практике. Во время того, как ты снимаешь или снимаешься сам, ты учишься.

В нашем кинолагере каждый ребенок может пробовать свои силы в новом для себя качестве. На 10 дней превратиться: в сценариста, актера или режиссера. Получить тот опыт, который невозможно найти во дворе: работа на площадке, с актерами, с камерой, со сценарием, взаимодействие со съемочной группой и т. д.

После наших занятий дети, которые до этого не читали, начинают интересоваться литературой. У них в разы повышается успеваемость, снимается блок написания сочинений. Дети смелее высказывают свое мнение и легче выходят из сложных ситуаций в жизни. Важно, что написанные детьми истории не идут «в стол», а тут же находят свое воплощение. Ребенок, который написал сам сценарий и снял по нему (пусть еще маленький), но все-таки свой фильм, становится увереннее в себе, активнее общается со сверстниками + получает уникальную возможность легче пережить переходный возраст – не закрываясь в своем мире.

Что еще важно – кино совмещает в себе многие виды искусства и, конечно, помимо того, что требует от детей большой самоорганизации, подключает ресурсы, которые не использовались ранее. А это значит, что работая над кинопроектом, каждый участник сможет понять — кем он хочет стать в будущем: музыкантом или скульптором, продюсером или писателем, журналистом или психологом, или просто понять что-то важное о себе.

Цель нашей программы: видео или кино своими руками — от сценария до воплощения идеи в реальности.

Для ребят мы проводим тренинги по актерскому мастерству, модерации, операторскому искусству, работе режиссера и продюсера, а так же по смежным направлениям, плюс осваиваем журналистику.

Еще одно наше направление — это международный обмен юных дарований. Программа международного обмена предоставляет уникальную возможность получить дополнительные творческие навыки в новой среде, увидеть, как живут люди за пределами своей страны, узнать много нового, интересного, непривычного и необычного, и просто увлекательно провести время. Совершенствование второго языка и море приятных впечатлений гарантированы.

Своими впечатлениями от пребывания в Германии делится Миша Чичков из Самары

Здравствуйте, сегодня мне бы хотелось рассказать о своем пребывании в Германии. Начну со школы, она не такая, как в России, очень много отличий. Меня поразило поведение учеников. В то время как в России русские школьники сидят на уроках тихо, что слышно треск ртутной лампы или как по кабинету летает муха, немецкие ребята позволяют себе то, о чем бы я и подумать не мог, а именно: кричать, перебивать учителей и разговаривать с друзьями.

Но зато в немецких школах совершенно другая политика в отношении телефонов: здесь к тебе может подойти дежурный, пока ты проходишь очередной уровень в Angry Birds, и отобрать телефон, отнеся его в секретариат без каких-либо объяснений, чтобы потом его забрали родители.

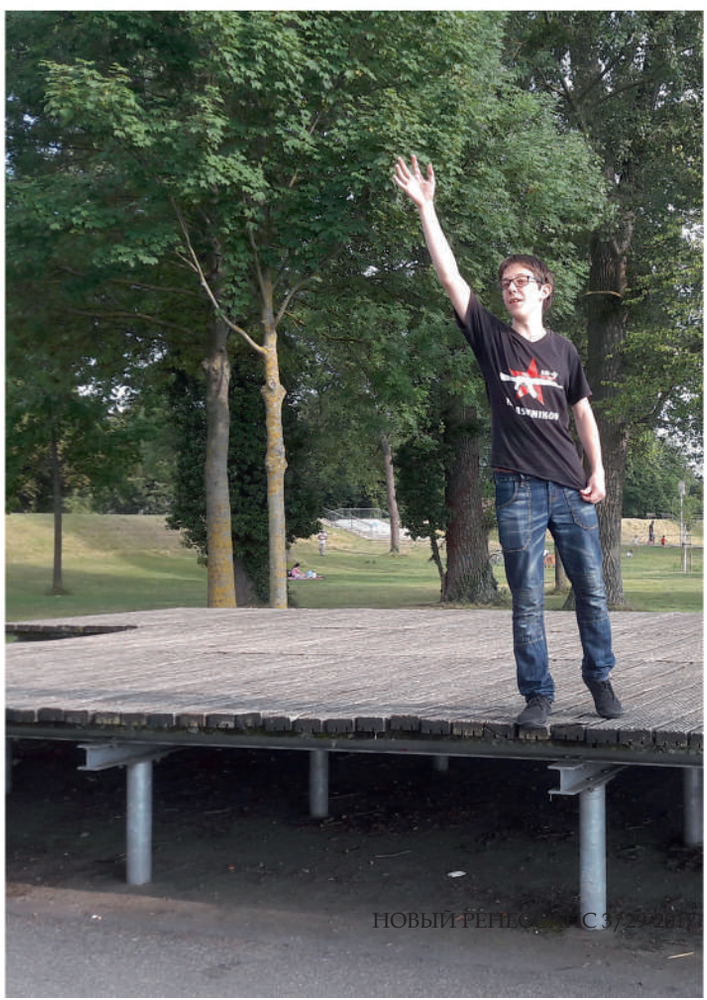
В Германии другие люди, иные семейные ценности и обычаи. Например, немецкие семьи имеют свои традиции при приеме пищи, все начинают есть только вместе. В России же — когда захотел, тогда и поел, и очень редко бывает, что вся семья соберется за одним столом.

Так как Германия является религиозной страной, то немцы каждое воскресенье ходят в церковь (так мне рассказывали). Я считаю, что это своеобразная романтика, которая укрепляет семью, и мне это очень понравилось.

В Германии (для русского человека) очень странный менталитет. Немцы безукоризненно и постоянно следуют законам и очень боятся их нарушать. Пример: немцы и их дети постоянно переходят дорогу только на зеленый сигнал светофора, и это показалось мне странным. В России нормально перейти шестиполосную дорогу в неположенном месте, да еще и на красный свет. И хотя тут большие штрафы за нарушение различных дисциплинарных законов, за этим никто не следит, и я не знаю связывать ли это с немецкой наивностью или любовью к соблюдению законов.

Теперь о моих впечатлениях в Германии. В принципе мне тут очень понравилось, и во многом на это повлияла моя гостевая семья. Мои гостевые родители создают именно ту атмосферу, при которой комфортно жить как мне, так и им, и за это я им очень благодарен.

Германия — очень специфичная страна и чтобы ее понять, все-таки недостаточно одного месяца пребывания в ней.



ГАМАРДЖОБА, АМЕРИКА!

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ МАРАФОН 2017/18

www.ingild.com

ОТКРЫТЫЙ МНОГОУРОВНЕВЫЙ КОНКУРС
по декабрь 2017 года;

ФЕСТИВАЛЬ ИСКУССТВ «ПОД НЕБОМ ГРУЗИИ»
июнь 2018 года (Тбилиси – Грузия);

ФЕСТИВАЛЬ «РУССКИЙ STIL В НОВОМ СВЕТЕ»
октябрь 2018 года (Нью-Йорк – США)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

Поэзия
Проза

ВЕСЕЛО О ГЛАВНОМ
Авторские произведения в стихах и прозе

С МУЗЫКОЙ ПО ЖИЗНИ
Авторские/бардовские произведения

КИНО/ВИДЕО

Категория «Профи»
номинация «Лучший фильм»;
Категория «Любители»
номинация «Лучший любительский фильм»;
Категория «Буктрейлер»
номинация «Лучший буктрейлер»;
Категория «Видеопоэзия»
номинация «Лучший видеосюжет – поэзия»

ПОДРОБНЕЕ НА САЙТЕ МГП: INGILD.COM

ТЕАТР

Малые театральные формы
– скетчи, миниатюры, этюды, отрывки из пьес, мюзиклов, перфоманс

Уличный театр
К участию в данной номинации приглашаются театры, которые работают в жанре уличного театра, театра огня, мимики и жеста, а также в других театральных направлениях, с использованием различных аудио и визуальных спецэффектов

Дорогие читатели, рад возможности представить журналу стихотворения замечательного поэта Бориса Кушнера, широко известного литературному миру по публикациям в США, Израиле, России, Германии, Финляндии и других странах. Борис Кушнер — советский, затем американский математик, профессор Питтсбургского университета, автор получивших мировую известность трудов по конструктивному математическому анализу и конструктивной математике — и глубоко профессиональных, вдохновенно написанных эссе о музыкантах: Верди, Бизе, Сальери, ... Уже многие годы нас связывает дружба, общность взглядов на многое — от поэзии и музыки до происходящих в обществе процессов. Поэзию Кушнера отличает совершенно особая интонация, особая легкость стиха — и пронизывающее все его творчество ощущение единства созданного Творцом мира.

Моисей Борода, член МГП и Союза Писателей Грузии

ПОЭЗИЯ БОРИСА КУШНЕРА

В ПРЕДДВЕРИИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО МАРАФОНА «ГАМАРДЖОБА, АМЕРИКА!»

АЛЬТОВАЯ СОНАТА

Памяти Дм. Шостаковича

Уже промок и сам асфальт,
Бетон промок уже…
И, не смолкая, плакал альт
На первом этаже…
И серым студнем город мок,
Недобр и дебел,
И к потолку взлетал смычок,
И Песню Смерти пел.
Тот август много лет назад
Ушел и не придет,
И многие в земле лежат,
Теперь и нам черед.
По крышам дождь, как звон монист,
Как струи серых рек… —
Бетховен слышится и Лист,
И наш 20-й век…
Как будто кадр последний снят
В Прошествии Времен, —
В какой из будущих сонат
Он был запечатлен?

***

Пес подвывал сирене за окном.
По сердцу шрам от звукового зелья.
Так в черный час зимой приснится гном, —
С мешком костей встает из подземелья.
Ну, что ты, пес, о чем твой плач, чудак?
Тебе ведь рай без лишних слов и справок.
Но видит Б-г — нам не понять собак,
Да и самих себя нам не понять вдобавок.

СОНЕТ

Печаль по механическим часам,
По их «тик-так», по маятника взмахам.
Бывало, покупал я «сделай сам»,
Обычно сборка завершалась крахом.
Когда упорно ходики не шли,
Или кукушка в них не куковала,
Порою я смеялся от души,
Порою напевал Леонковалло.
С тех пор пересечен был океан,
И я привык к изыскам электроник.
И опустел, как выпитый стакан,
И выдохся, как после скачек конник.

Уходит год. Фемида и весы.
Мой пульс хрипит, как старые часы.

***

Меня всегда притягивали птицы,
Их вереницы в дальнем детском сне,
Их крики на границе небылицы
В закатом окровавленном окне.
И тайна их бесшумного полета
Разрыва опостылевших оков...
Взлететь бы хоть мечтою из болота
К их силуэтам возле облаков.
О чем кричат? — Что век мой все короче? —
На грани ночи свет звезды колюч... —
Отчаянно печальный плач пророчеств,
К которым навсегда утрачен ключ...
Тоска петлей и круг мой уже, уже —
Последние прозрения Души...
И птицы... — Уж не те ли это Души,
Которые ушли, ушли, ушли...

ПОЭЗИЯ И МУЗЫКА АРХИТЕКТУРЫ

БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ МЕЖДУНАРОДНОЙ И РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ, ПРОФЕССОРОМ ГЕОРГИЕМ БАТИАШВИЛИ

Дорогие друзья, в мае прошлого года, в связи с выступлением по грузинскому телевидению в программе, посвященной 850-летию Шота Руставели и организованной президентом Всегрузинского общества Руставели, Давидом Шемокмедели, я имел счастье познакомиться с замечательным человеком, уже первое общение с которым — недолгое, минут за двадцать перед тем, как мы должны были идти в студию — произвело на меня глубокое впечатление — аурой чрезвычайной одаренности, цельностью личности, глубиной суждений. Потом мы встречались не раз. Тот, кто хоть раз побывал в Тбилиси, вряд ли сможет забыть свое восторженное впечатление от того, с каким поразительным тактом, с какой точностью, любовью восстановлен облик старого города. Исключительный по значимости вклад в эту реконструкцию-регенерацию связан с именем батони Гиги. Беседа, которую мы предлагаем нашим читателям, происходила в его мастерской, в Академии Художеств, у него дома (где навсегда поселился дух творчества и особой одаренности: супруга батони Гиги — одаренная скрипачка, дочь — художник, картины которой оставляют незабываемое впечатление).

Моисей Борода: Батоно Гига, каждый раз, когда я приезжаю в Тбилиси, первое, что я делаю, — иду тем или другим путем в старый город. И каждый раз, спускаюсь ли я от площади Свободы по Пушкинской улице к Колхозной площади или выхожу на набережную с противоположной стороны Анчисхати, я не могу не думать о том, с какой любовью вы и ваши коллеги восстанавливали облик того Тбилиси, который, казалось, должен был уступить натиску урбанистической цивилизации советского образца, но не уступил, более того, победил в этой молчаливой, а порой и не очень молчаливой — борьбе. Потом я прочел вашу книгу, которая меня впечатлила своей вдохновенностью и одновременно — точностью в описании деталей быта, атмосферы, духовного облика того, что можно было бы назвать «тбилисуроба» — «тбилисскость» — и что шаг за шагом утрачивалось, стиралось ходом времени — и вдруг всплыло в этих воспоминаниях — и насколько это было вообще возможно — в ваших проектах, проектах ваших коллег. Эта любовь к Тбилиси мне — бесконечно влюбленному в этот город, считающему его самым красивым городом на свете (да, Париж незабываем, да, Рим потрясает, — но…) — особенно дорога. Да и конечно же она дорога тем, кто родился и вырос в Тбилиси — недаром так значителен резонанс на вашу книгу. Но нашу беседу я начну с другой темы, — к теме Тбилиси мы еще вернемся, а именно: что побудило вас, родившегося в семье, профессионально далекой от архитектуры (отец — биолог-энтомолог, мать — также не архитектор по специальности), сказать себе: я хочу быть архитектором? Согласитесь, эта профессия не входит, скажем так, в десятку желаний «я хочу быть...»

Гига Батиашвили: Тому было несколько причин. Да, действительно, мои родители профессионально далеки от архитектуры. Но мой отец, когда у него бывало свободное время, брал меня, помню, еще с совсем детских лет — с собой, и мы шли гулять по старому городу, как правило, останавливаясь у того и ли иного здания, церкви, и отец не только «заразил» меня любовью к красоте этих сооружений, к их поэтике, но и всегда сосредотачивался на деталях, создающих эту красоту, объясняя мне эти детали, «вписанность» того или иного здания в архитектурный пейзаж, его связь с ландшафтом. Каждое воскресенье мы с отцом отправлялись к строящимся зданиям, я видел процесс становления многих из

них. Это была очень важная школа. Постепенно росло желание стать одним из тех, кто может, не нарушая гармонии, добавить к тому, что есть, построенное им самим — желание, затем ставшее решением: я буду архитектором. Так я поступил на архитектурный факультет грузинского Политеха, потом перевелся в Академию Художеств, которую и окончил. Другим исключительно важным фактором было то, что я родился и рос в самом «старотбилисском» регионе старого Тбилиси — районе Сололаки. Откуда была пара шагов до всего, что составляло, да и составляет сейчас изумительную картину старого Тбилиси. Возможность каждый день видеть эту красоту, ощущать себя включенным в этот мир, которым не перестаешь восхищаться, порождала желание служить этой красоте, творить под ее знаком. И еще одно добавлялось к этому ощущению — связанное уже не с архитектурой, а с людьми. Потомственно живших в этом районе — а он был удивительной смесью разных культур, разных этносов: грузины, армяне, азербайджанцы, евреи... — отличала высокая мораль, серьезное отношение к данному слову, своеобразная эстетика поведения, не позволяющая совершить что-то недостойное. Интересно отметить, что в самое страшное время 90-х, когда хаос выбросил на улицы Тбилиси воровство, обман, грабежи, насилие, Сололаки осталось к этим зловещим веяниям практически иммунным. Сололаки воспитывал — эстетически, этически.

Моисей Борода: Итак, вы стали архитектором.

Гига Батиашвили: Сразу скажу — нет. Потому что архитектором нельзя «стать» — им становишься всю жизнь, каждый день ты учишься чему-то новому. Ты обязательно должен быть в курсе того, что происходит в архитектурном мире. И это действительно каждый день, без преувеличения. По-другому быть не может: это — твой мир, мир, исходя из которого ты созидаешь.

Моисей Борода: Батоно Гига, вы многие годы преподаете, воспитали не одно поколение архитекторов. Допустим, к вам приходит некто — девушка, юноша — старшеклассник и говорит: я хочу быть архитектором. Каковы ваши самые первые вопросы, что составляет conditio sine qua non будущего архитектора — помимо, конечно, его представления, что он хотел бы делать в профессии его мечты?

Гига Батиашвили: Я бы назвал три условия, три качества, которым нужно обладать. Первое: у молодого человека должна быть выраженная способность к рисованию, а еще лучше — талант художника. Дело в том, что одно из главных орудий архитектора — карандаш, архитектор сперва делает набросок того, что он собирается строить. Да, есть достаточно изощренные программы, с помощью которых можно вычерчивать планы зданий, строить архитектурные комплексы, но они не могут заменить работы с карандашом, и пр. Компьютер не заменяет живой мысли, сотканной из тысяч и тысяч впечатлений, жизненного опыта, и много другого. В процессе создания эскиза работает с максимальной отдачей воображение, оформляется художественный замысел, оттачиваются детали, и чем совершеннее сделанный эскиз, тем больше вероятность, что созданное на его основе будет тем, чем должно быть. Второе, что мне кажется обязательным, будущий архитектор должен уметь математически мыслить, уметь конкретное обобщать. И наконец, третье...

Моисей Борода: Если позволите, я попытаюсь угадать.

Гига Батиашвили: Пожалуйста.

Моисей Борода: Серьезная общая образованность — в литературе, искусстве, музыке, истории.

Гига Батиашвили: На грани энциклопедичности. Без этого мне трудно представить себе архитектора. Ибо архитектура самым тесным образом связана с социокультурным миром. Архитектору необходимо энциклопедическое образование. Архитектура — это особенная область, область постоянного и с течением времени все более быстрого обновления; застревание на достигнутом для нее особенно неприемлемо — уже в силу той роли, которую она играет в жизни общества, будучи теснейшим образом связанной с социальными, эстетическими и другими его основами, с постоянным обновлением вкусов составляющих его групп. Соответственно, и настоящий архитектор должен быть постоянно «на

пике событий», и одновременно он должен держать в голове прошлые концепции, стили, футуристические упражнения в архитектуре. Единственное, что может стать истинной трагедией для архитектора — склероз. Если не это — тогда творчеству ничего не мешает: с годами непрерывно растет опыт, и этот постоянно обогащаемый новыми знаниями, эмоционально воспринимаемый опыт дает архитектору ощущение молодости, возможности творить и творить, как говорится, до конца своих дней.

Моисей Борода: Тут мне вспоминается изречение: «Нет более мудрого, чем опытный».

Гига Батиашвили: Пожалуй, так оно и есть. Здесь один из секретов постоянной молодости. У меня это ощущение молодости подкрепляется тем, что внуки пошли по моим стопам, и я рад делиться с ними знаниями. Я часто думаю, что архитектура — одно из мощнейших факторов формирования человеческой психики.

Моисей Борода: Дело тут, наверное, в совершенно особом характере влияния архитектуры. Литература воздействует словом, у слова — огромная сила воздействия, но человек должен вначале прочесть рассказ или стихотворение, или услышать это в чьем-то чтении. Он должен захотеть это сделать. То же и с музыкой.

Гига Батиашвили: Архитектура не просто окружает человека — она активно говорит с ним без всяких слов, мощно и без его активной воли вовлекая его в процесс восприятия. Человек живет в мире сооружений — во всяком случае, находящихся в достижимой для его взора близости. Сила этого воздействия нередко недооценивается. Когда я говорю с молодыми людьми об архитектуре, а я читаю ряд курсов в Академии Художеств, то всегда подчеркиваю, что архитектура — специальность, требующая исключительной тонкости, изящества вкуса, и одновременно — специальность очень опасная. Как врач может неверно выбранным лечением нанести вред здоровью пациента, так и ошибка, плохо продуманное и воплощенное в жизнь архитектурное решение может нанести вред — с той разницей, что в первом случае страдает один человек (и нередко есть шанс исправить врачебную ошибку, назначив другое лечение), во втором же случае — многие и многие, и исправить ошибку невозможно — разве что сломать построенное. Нельзя забывать, что архитектурное пространство окружает человека, воспринимается с его ранних лет и до конца жизни, и «архитектурная травма» — когда, например, вдруг в его непосредственной близости возникает что-то уродливое или просто не сочетающееся с ландшафтом, разрушающее эту красоту, — ощущение «боже мой, какое уродство!» будет сопровождать человека каждый день. Надо ли подчеркивать, как это опасно!

Моисей Борода: О да — я, честно говоря, при виде небоскребов в Тбилиси, возникающих, как грибы после хорошего дождя, с тоской думаю, как это нарушает облик города. И каждый раз, видя противоположное этому — старый город, облик которого, благодаря вам и вашим коллегам, так гармонично восстановлен, я радуюсь тому, что это сохранится, не уйдет.

Гига Батиашвили: С другой стороны, архитектура — это зеркало общества, его возможностей, потенции, культуры, его политической структуры. Это ярко проявлялось в эпохи, когда сюзерен, властитель государства, активно влиял на архитектуру, относясь к ней, как к важному фактору своего возвеличения, — так было в древнем Риме, в Италии времен Муссолини, в Москве в эпоху Сталина. Архитектура — зеркало, в которое «смотрелся» сам сюзерен, но смотрелось и общество.

Моисей Борода: В связи с этим интересно сравнение типичной архитектуры Третьего Рейха и архитектуры «сталинского ампира». Последняя представляется мне несравненно эстетичнее, но и здесь полностью подтверждается то, что вы сказали об архитектуре, как зеркале: официальной доктриной гитлеровского режима было превращение страны в военный лагерь, открытый антигуманизм, в то время как в СССР официально провозглашались совсем другие ценности.

Гига Батиашвили: Основополагающий принцип фашистской архитектуры — принцип единообразия, все должно быть одинаковым. Типовые дома-коробки, типовые квартиры, одна копия другой.

Моисей Борода: Батоно Гига, само направление нашей беседы привело нас к теме регенерации-реконструкции старого Тбилиси, в которой вам принадлежит трудно переоценимая роль. За реализацию этого проекта вам и вашему коллеге, Шота Кавлашвили, была присуждена Государственная премия СССР.

Гига Батиашвили: Начнем с того, что идея регенерации-реконструкции родилась у Шота Кавлашвили, подлинного патриота своего города, в то время главного архитектора Тбилиси. Вскоре по принятому правительством постановлению за исторической частью Тбилиси был закреплен статус государственной охранной зоны. Начался первый этап реконструкции исторической части города. Речь в этом проекте шла именно о регенерации, «втором рождении» старого Тбилиси. Удалось поднять архивные материалы. Шота и я работали над генеральным планом: он — в качестве главного архитектора города, я — как руководитель творческой мастерской по реконструкции и регенерации государственной охранной зоны Тбилиси и автор. Работали мы в исключительной атмосфере полной коллегиальности, сотрудничество было по-настоящему гармоничным. В то же время мы совместно не являемся авторами ни одного проекта.

Во время работы над проектом все мое внимание было обращено на то, чтобы максимально сохранить/восстановить то, что было связано с историческими корнями города. Старый Тбилиси представляет собой единую картину, вписанную в потрясающий по своей живописности ландшафт. Удалось сохранить-восстановить облик города, теснейшим образом связанный с основами национальной культуры. Вообще, я сторонник «этнически базированной» архитектуры — что совершенно не исключает ее следования современным тенденциям.

Моисей Борода: Здесь хорошая параллель с музыкой грузинских композиторов, творчество которых тесно связано с национальными корнями, а с другой стороны — современно по музыкальному языку. Как этого достигнуть — великая тайна таланта.

Гига Батиашвили: Существенным фактором в нашей работе была поддержка со стороны первого лица — Первого Секретаря ЦК КП Грузии Эдуарда Шеварднадзе. Не проходило недели, чтобы он со свитой проездом или специально не посетил объект. Его понимание значимости того, что делается — а это был первый такой проект в Советском Союзе — сыграло важную роль в решении возникающих проблем. Здесь же отмечу, что весь этот грандиозный проект осуществлялся за счет внутренних ресурсов республики, центр это не финансировал. Но когда мы закончили реконструкцию, и облик восстановленного старого Тбилиси предстал во всей красоте, это сразу привлекло внимание центра. Мы с Шота были удостоены Государственной Премии СССР, и реконструкционные проекты начали возникать в других городах. Не было ни одного совещания по этому поводу, где бы мы не были в качестве приглашенных экспертов. Возникло огромное внимание к самой проблеме реконструкции исторического облика городов.

Моисей Борода: В продолжение разговора выскажу, может быть, крамольную мысль о добавленном в последние годы «новом»: меня коробит от вида неизвестно почему в самом живописном месте построенного в виде двух труб «здания» театра — это как попавшая на картину великого мастера жирная чернильная клякса. Такой же кляксой кажутся мне «грибные» крыши Дома юстиции — тут уже сходство с грибами-поганками. А уж высовывающаяся сзади красивого, импозантного здания бывшего ИМЭЛа труба — ну, тут я просто не буду говорить, какие здесь напрашиваются аналогии.

Гига Батиашвили: Жесткие сравнения, но не согласиться с ними трудно. Вообще, хотелось бы пожелать городу более продуманную стратегию строительства, и особенно хотелось бы, чтобы поскорее закончился «нуворишеский этап» строительства, когда появляются в ареале подлинного Тбилиси — а для меня это регион от Сололаки до стадиона Динамо — здания, искажающие облик города, ему несоответствующие.

Моисей Борода: Единственным, что появилось в эти годы и по-настоящему украсило Тбилиси, полностью «вписавшись» в его облик, построенный по вашему проекту Президентский дворец — здание, которое мне кажется совершенно потрясающим — легкостью, ажурностью конструкций и в то же время торжественностью общего облика. Это здание у меня нерасторжимо связано с вашим именем.

Гига Батиашвили: Но путь к этому проекту был не коротким. Первоначально я разрабатывал его как «Грузинский Дом». Новое назначение его как президентского Дворца возникло из моих бесед с будущим президентом Грузии, тогда — председателем городского совета (членом которого я тогда состоял) Михаилом Саакашвили. Проект «Грузинского Дома» на подъеме Бараташвили привлек его особенное внимание. В один из вечеров мы долго обсуждали архитектурное будущее верхнего Авлабари и Исани, вспоминая историческую роль этого района, то, что в нем был расположен административный центр, говорили о том, что было бы хорошо вернуть ему эту роль. Прошло немного времени, когда Михаил Саакашвили, уже как президент, дал этому проекту «зеленую улицу», приняв решение о строительстве президентского дворца. Новая функция здания полностью вписывалась в мой проект «Грузинского Дома», и строительство пошло полным ходом.

Моисей Борода: Батоно Гига, несколько слов о ваших коллегах — например, о Курдиани, Кавлашвили, Давитая, Чхенкели.

Гига Батиашвили: Курдиани, Чхенкели и Кавлашвили уже нет в живых. Давитая и я, к счастью, не только живы, но и живы в нашей профессии. Нас с Давитая связывает давняя дружба. Оба мы — академики Международной и Российской академий архитектуры, деятельные архитекторы. Проблемы развивающегося Тбилиси, нередко наблюдаемые произвольные застройки являются предметом нашей большой озабоченности. Арчил Курдиани был моим профессором в Академии Художеств. Часть того, что я ношу в себе как архитектор, обязана ему. То же могу сказать о Михаиле Чхиквадзе и Валериане Кедиа. Все они оставили значительный след в нашей современной архитектуре, в ее формировании. Особенно скажу о Шота Кавлашвили, с которым мы работали над архитектурными проектами, начиная с 1979 года до середины 90-ых. В память о нашем общении я поставил ему в Дидубийском пантеоне, где он похоронен, памятник. Что касается Иванэ Чхенкели, в свое время главного архитектора Тбилиси (по его проекту построен концертный зал филармонии): этому человеку вся наша общественность, должна быть признательна за то, что, благодаря ему, индустриальная архитектура не затронула центрального ядра города, не вклинилась в него чуждым элементом. Таких прецедентов в той эпохе (60-е-70-е годы) было всего два: один, связанный с именем Чхенкели, в Тбилиси, и второй — в Ленинграде, когда тогдашний главный архитектор города, как и его коллега в Тбилиси, встал стеной на пути абсурдного проекта. Тбилиси сохранил свою тбилисскость, Ленинград — петербургскость.

Моисей Борода: Короткий и последний вопрос: ваши любимые композиторы?

Гига Батиашвили: Люблю музыку Шумана, Грига, обожествляю Моцарта, для меня это действительно музыкальный бог, абсолютное совершенство, прозрачность линий, удивительная ясность, гармония во всем. Такой должна быть в идеале архитектура — тогда она может быть по остроумному выражению «звучащей музыкой».

Моисей Борода: Ну а неклассическая музыка?

Гига Батиашвили: Люблю, как традиционный тбилисец, «баиати» — это не песня, а вокализованные стихи. С удовольствием слушаю джаз, импровизации настоящих джазменов — потрясающи.

Моисей Борода: Огромное спасибо, батоно Гига, за нашу беседу.

Гига Батиашвили: Спасибо и вам. Был рад нашему общению.

Беседовал Моисей Борода, член МГП

ЧЕТЫРЁХМЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЕВРОГРУЗИНА МОИСЕЯ

Композитор, музыковед, писатель, полиглот... если этого недостаточно, истинный патриот его Родины Грузии и исторической родины — Израиля; радетель родного Тбилиси, где он родился и стал зятем грузинской княжеской семьи.

Если же говорить о регалиях моего старшего друга Моисея Борода, то и они стоят в длинной очереди на перечисление: выпускник Тбилисской государственной консерватории имени Вано Сараджишвили, сотрудник кафедры эстетики и искусствоведения главного отечественного очага музыкальной культуры, в 1979 году он защитил диссертацию, посвященную общим принципам организации музыкального произведения на микроуровне. Опубликовал более 60 научных работ по проблемам взаимосвязи музыкального и литературного языков — тема крайне интересная и для автора этих строк, ставшая своего рода интеллектуальным фундаментом нашего с Моисеем Борода творческого союза...

Свой 70-летний юбилей Моисей Борода, уже десятилетия живущий и продолжающий творческую деятельность в Германии, приехал встречать в Тбилиси, где ему, не столь давно принятому в Союз писателей Грузии, руководство главного объединения литераторов организовало творческий вечер в уютном зале малых собраний Национальной библиотеки парламента Грузии.

Ведущий вечера, ваш покорный слуга и одновременно — руководитель международного отдела СП Грузии Владимир Саришвили, представляя юбиляра, отметил, помимо уже упомянутых заслуг героя вечера, что Моисей Борода в 1981 году (!) стал членом редколлегии журнала «Квантиативная лингвистика» (ФРГ) (!). Для поколения 1980-х годов рождения и более поздней «поросли» этот восклицательный знак в скобках может показаться опечаткой, но мы-то, «матерые», знаем, что означало числиться в редколлегии издания «вражеского капиталистического лагеря». Каким умом, интуицией и изворотливостью надо было обладать, чтобы тебя, «ступившего на кривую дорожку», не вызвали на чекистский «ковер», с которого могли «сдуть» из профессии, из социума, поставить крест на карьере... А если добавить к этому, что Моисей умудрился в том же ФРГ организовать в самый «глухой» застойный 1982 год международную серию по математическому анализу музыки «Музометрика», остается только диву даваться.

Но вот уже в «разрешательном» 1989 году Моисей Борода получает достойную награду за свои труды и дни рисков, креативных решений, открытий. Он получает международную стипендию светила мировой науки фонда Александра фон Гумбольдта за разнообразие исследовательских интересов, прозванного «немецким Аристотелем XIX века», и отправляется в Германию. Там находящийся в расцвете творческих сил Моисей Борода развивает не только бурную, но и плодотворную деятельность, включая новое направление — литературу и художественный перевод.

Из-под пера Моисея Борода на сегодняшний день вышли четыре книги: это рассказы на русском языке (для себя отметил и включил в «личную коллекцию читательской памяти» новеллу «Концерт Моцарта» о ночной «беседе в добровольно-принудительном порядке» выдающейся пианистки Марии Юдиной с самим... лучшим другом всех композиторов и пианистов Иосифом Сталиным). Выходили в свет также переводы с грузинского и итальянского (весьма впечатляющи версии ма-

лой прозы Альберто Моравиа). С 2015 года Моисей пишет и по-грузински — в том немалая заслуга любимой супруги и столь же строгого критика, иногда «по совместительству» концертмейстера его музыкальных произведений Софико Чкониа. Свои создания Моисей Борода публиковал в журналах и на литературных сайтах в Азербайджане, Германии, Грузии, Израиле, США, Украине. Достоянием меломанов стали опубликованные и прозвучавшие камерные музыкальные произведения юбиляра для различных инструментов; вокальные циклы на стихи грузинских, еврейских, немецких и русских поэтов, в частности, в радиопередачах WDR 3, SWR 2, Schweizer Radio, Radio Sefarad, Madrid. Многие из них прозвучали и в «живом исполнении» — в Германии и за рубежом.

И, наконец, Моисей Борода — член и представитель в Германии Союза Композиторов Грузии, Союза Писателей Грузии, Всегрузинского Общества Руставели, базирующейся в Германии Международной гильдии писателей (МГП) в Грузии; член немецкоязычной литературной группы Bochumer Literaten; председатель регионального отделения Союза Немецких Музыкантов (DTKV).

«Горжусь присвоенным мне Союзом Писателей Грузии званием «Посланник грузинской культуры». Мой скромный вклад в оправдание этого звания — организация совместно с руководством Гильдии и Союза писателей Грузии двух майских конференций литераторов из разных стран, собиравшихся в Грузии на чтения и круглые столы. Итогом этих конференций стали два резонансных сборника, куда вошли лучшие образцы творчества участников этих конференций», — сказал в своем благодарственном слове Моисей Борода.

Пропагандируя достижения современных грузинских литераторов, Моисей Борода опубликовал образцы лирики наших поэтов в Израиле, в журнале Гильдии «Новый Ренессанс»; в печати находится книга стихотворений и новелл супруги классика грузинского композиторского искусства Важи Азарашвили, Мананы Дангадзе.

В своем выступлении председатель Союза писателей Грузии Маквала Гонашвили, поздравив Моисея с юбилеем, сказала: «Есть люди, бесконечно преданные своей родине. Таков Моисей Борода. Где бы он ни был — в Германии ли или в другой стране, его сердце полно любви к Грузии, и он постоянно думает о том, что бы он мог сделать для своей любимой родины. Моисей уже несколько лет член нашей большой писательской семьи — Союза писателей Грузии, и с первого момента нашего знакомства у меня возникло чувство особого уважения к этому многообразно одаренному человеку. Моисей является членом Международной гильдии писателей — МГП, и эта Гильдия, имеющая членов во всех странах мира, с особым интересом относится к творческому содружеству с писателями Грузии, пропаганде грузинских писателей в Германии, организации совместных фестивалей с нашим писательским Союзом. В этом тоже немалая заслуга Моисея. Большое спасибо, Моисей, что вы — член нашей писательской семьи. В будущем году у нас состоится знаменательное событие — литературный фестиваль, и к этому времени приурочены два проекта: издание нашим Союзом произведений авторов МГП на грузинском языке и издание произведений грузинских писателей в переводах на русский язык, осуществляемое МГП. Два наших совместных сборника — «Путь дружбы» и «Крестовый перевал» — были изданы МГП. Я надеюсь, что мы — наш Союз писателей в близком будущем станет богаче, и мы сумеем принять дорогих гостей нашего будущего фестиваля — Международную гильдию писателей — так, как это подобает старейшему писательскому союзу. Еще раз спасибо, дорогой Моисей, за вашу деятельность».

Один из виднейших грузинских композиторов на постсоветском пространстве, произведения которого неоднократно звучали за рубежом, профессор Важа Азарашвили, приветствовал со сцены «прекрасного музыканта, писателя, патриота Моисея Борода»: «Наш юбиляр активно пропагандирует не только грузинскую литературу, но и музыку; по приглашению Моисея я дважды посещал Германию, там с успехом прошли два моих авторских концерта. Моисей добился выпуска диска, куда вошли не только мои произведения, но и опусы Кахи Цабадзе, Гоги Шаверзашвили...»

Патриарх грузинского музыковедения в годы студенчества юбиляра — молодой педагог Гулбат Торадзе, преподававший юному Моисею теорию музыки, вспомнил, что студент Борода был замечен как подающий надежды, и они оправдались сполна — сегодня он вырос в крупного специалиста-теоретика; при этом он — практикующий композитор.

«В Евангелии сказано: „Вы — соль земли“. Именно к таким людям относится Моисей Борода, среди всех его прочих дарований, я бы отметил еще талант культуртрегера. За что бы он ни взялся, все получается у него на профессиональном уровне; много интересных предложений нашего представителя в Германии мы взяли на заметку и постараемся по мере сил претворить в жизнь», — сообщил в свой черед Президент «Всегрузинского Общества Руставели» Давид Шемокмедели.

В заключение творческой встречи прозвучала запись произведения Моисея «Семь грузинских вариаций на еврейскую тему» в исполнении замечательного немецкого пианиста Райнера Клааса. А под самый занавес ведущий поблагодарил героя вечера, отметив, что юбиляр — богатый человек. Но не сундуками золота в подвале измеряется это богатство, а ближним кругом, состоящим из одаренных, глубоких, образованных людей. Слова благодарности прозвучали также в адрес аудитории, — нечасто увидишь в зрительном зале лица столь заинтересованные, просветленные, и виной тому — творчество Моисея Борода.

Вечер отличался гармоничным строем, он не утомил публику, покинувшую аудиторию Национальной библиотеки даже с легким чувством духовного голода.

Владимир Саришвили

«УДВОЕННОСТЬ МОЛИТВ ПРИМИ...»

ДВЕ РОДИНЫ В ПОЭЗИИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭССЕ ПОЭТА И ЛИТЕРАТУРОВЕДА, ПРЕЗИДЕНТА ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ АМЕРИКИ (ОРЛИТА), ДОКТОРА ФИЛОЛОГИИ, ПРОФЕССОРА ПЕНСИЛЬВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, **ВЕРЫ ЗУБАРЁВОЙ**

Вот она общается с медсестрами из Кимр. Одну из них зовут Татьяной (привет от Пушкина!). Если кто-то сомневается, что имеется в виду именно Пушкин, Ахмадулина уточняет:

«Я Вам пишу»… – вот и пиши, радей!
Как Таня к няне, я приникну к Тане.
(«Памяти Симона Чиковани»)

Пушкин – знак присутствия первой родины. Где первая – там и вторая. Нужно только открыть «внутренние очи». *«Люблю мою со всем, что есть, игру / за тайный смысл, за кроткие приветы»*, – пишет она в «Глубоком обмороке». И поиску «кротких приветов» она посвящает последующие строфы своего поэтические расследования.

Вначале она углубляется в подробности жизни Татьяны. Куда приведет ниточка?

Дочь Татьяны зовут Ольгой (снова Пушкин). Она выспрашивает об Ольге, и вот тут…

«Привет» первый: в Ольгу влюблен… грузин.
В дочь Тани Ольгу был влюблен грузин.
Влюблен и ныне. Объясните, дэвы:
как он попал в остуду кимрских зим?

Совпадение удивительное. Но она в совпадения не верит. Она верит в Божий промысел, в Соучастие, в Присутствие, но никогда не в случайность. Линия не случившейся помолвки становится метафоричной, отражая исторический план и современные отношения двух народов, где Грузия играет роль жениха, а Россия – невесты. При этом, целомудренное начало несет Грузия:

Манил он Ольгу в Грузию свою,
но запретил и проклял мини-юбку.

Назло ему, возрадовав семью,
невеста предпочла соседа Юрку.

Памятую историю разрушенных российских храмов и сохранного храма Свети-Цховели, можно предположить, что речь идет о тяжких последствиях разрушенной веры в России, делающих невозможным воссоединение двух родственных в религиозном плане культур.

Следующая ошеломляющая подробность – имя поклонника Ольги:

К тому же он – Давид, иль, вкратце, Дэви.

Отсюда сразу три «кротких привета». Первый – связь со святым Давидом, второй – связь с царем Давидом Строителем. Обе обыгрываются в тексте:

Святой и царь, всех кротких опекун,
смиритель гневных…
……..
Он в честь твою крещен и наречен.

Третий относится к уменьшительному «Дэви», рифмующемуся с «дэвы». При этом увязка между святым Давидом и дэвами тоже не упускается из виду:

Да охранит меня святой Давид!
Смиреннейший, печется ль он о дэвах?

Так, прихотливо, деталь за деталью выстраивается гипотеза о том, кто молился за нее в ту ночь.

Мой перевод я изменить хочу.
Симон простит. Строка во тьму не канет.
О, Господи! не задувай свечу
души моей, я – твой алгетский камень.

Практически каждая строчка здесь требует отсылки к другому тексту. И это превращает стихи в ребус, который можно разгадать при кропотливом изучении каждого намека. Ахмадулина несколько облегчает эту задачу, начиная с главного, от чего следует отталкиваться, чтобы не потеряться в деталях. Первая строка («Мой перевод…») несет в себе ключ к разгадке. Если понять, о каком именно переводе идет речь, то дальше уже проще ответить на вопрос о том, почему и как именно его хочет изменить автор. Есть надежда, что и молитва, и упоминание об алгетском камне тоже найдут адекватное пояснение. И действительно, читая ее перевод стихов Симона Чиковани «Молитва во время бомбежки», находим следующее:

Я – человек! И драгоценен пламень
в душе моей. Но нет, я не хочу
сиять заметно! Я – алгетский камень.
О, Господи, задуй во мне свечу!

(«Молитва во время бомбежки»)

Последняя строчка стихов Чиковани изменилась на «О, Господи! не задувай свечу» в посвящении Ахмадулиной. Смысл этого изменения достаточно ясен. На вопрос о том, что это за такой камень, отвечает сама Ахмадулина на открытии выставки «Мир Кавказа» в Малом манеже, где она читает этот давний перевод:

Меж тем, этот алгетский камень, который упоминает Симон Чиковани, есть драгоценность лишь его души, потому что есть маленькая речка Алгети, и это камушек из этой речки. Примем стихотворение любимого мною поэта за охранительную молитву, чей единственный смысл – защитить, уберечь всех детей, всех людей, все живые существа от грозящей им беды или угрозы. Я много раз думала об этой охранительной любви, и теперь, когда жизнь моя уже имеет опыт многих лет, мне просто хотелось бы, чтобы конец ее был достойным. (Ахмадулина Белла. Записка конюху. // Знамя 2009, № 8).

Здесь сразу несколько вещей, полезных любознательному читателю. Первая — информация о камушке. Далее — о том, как Ахмадулина интерпретирует эти стихи Чиковани. Для нее они стали охранительной молитвой, *«чей единственный смысл – защитить, уберечь»*. Это отвечает на вопрос, поставленный ею в начале: *«Кто в эту ночь молился обо мне…»*. И в то же время, ответ гораздо шире.

Творчество Чиковани является отправной точкой, но богатый контекст, на котором всходит поэтическое тело ее стихов, неизбежно бродит и другими аллюзиями, упомянутыми в той или иной связи. Двойственность, которая получается в результате, сродни кинематографическому эффекту. Например, Ахмадулина пишет:

там, возле Мцхета. Если глянешь ввысь –
увидишь то, чему столетья мстили
за недоступность выси.

Первый образ, который вырисовывается, — это Мтацминда (Святая гора) или гора преп. Давида с пантеоном вокруг церкви преп. Давида, где похоронены наряду с деятелями искусств и народными героями известные писатели. Среди них — Симон Чиковани. И тут же начинают брезжить очертания другой горы — Синая. В конце жизни св. Давид отправился на гору Синай. Однако, взошедши на гору, он посчитал себя недостойным приблизиться к святым местам и послал вместо себя ученика, а сам молился у городской стены. На прощание он взял с собой три камня, лежащие у стены, в качестве благословения от Святого Града, но Патриарх Иерусалима велел ему вернуть два, а третий был принесен в Гареджийский монастырь и хранится по сей день в сокровищнице Сионского собора в Тбилиси. Сиони (так называют этот собор) несколько раз подвергался разрушениям. Восстановление его связано с именем Давида Строителя. Намек на это в следующих строках:

Но наипервым из камней
возглавил высь Давид Строитель.

Как видим, и «высь», и «камушек» обрастают вторым, сионским, планом, просвечивающим сквозь первый и расширяющим сакраментальное пространство Грузии. История с алгетским камушком присутствует в стихотворении в качестве загадки:

Врач удивлен: – Вы – камень? Но какой? –
Смеюсь и помышляю об ответе.
– Я – камушек, взлелеянный рекой
грузинскою, ее зовут Алгети.

Непонимание врача забавляет лирическую героиню. Диалог с ним звучит также иронией и по отношению к

читателю, недостаток знаний которого служит причиной его извечного недоумения. И читатель уже готов поставить поэту «диагноз», приняв собственное незнание за упущения поэта. Ситуация доктора и больного — это ситуация здравого, уверенного в своем суждении, читателя и «нездравого» поэта.

Внимает доктор сбивчивым речам,
как Боткину когда-то удавалось.
— Вы сочинять привыкли по ночам. —
Сбылись анализ крови и диагноз.

Все это лишь веселит лирическую героиню, чья безбрежность прочитывается врачевателями ее стиля как небрежность. Она верна себе и только себе, и не пытается популяризировать себя для массового или вообще какого-либо читателя. Как она сама об этом пишет:

Читатель не предполагаем
и не мерещится уму,
ум потому и не лукавит.
(«Памяти Симона Чиковани»)

В пятом, предзавершающем стихотворении цикла, она вновь возвращается к датам, цитируя себя:

«День августа двадцать шестой» —
сей строчке минул полный месяц.
День сентября двадцать седьмой
настал.

Самоцитата усиливает важность первой даты, заставляет вновь обратиться к ее скрытому плану. Почему в ту ночь прозвучало имя Грузии и почему стихи Чиковани, на которые ссылается Ахмадулина, связаны с войной? В пятом стихотворении тема войны достигает своего развития и кульминации. Ахмадулина «подсказывает» о какой именно войне идет речь:

…война
между Бичвинтой и Пицундой.

Как поясняет Ахмадулина, *«Бичвинта — грузинское, Пицунда — абхазское название одного и того же города»* (Ахмадулина 2000: URL). 25 августа 1990 года Абхазия была провозглашена суверенной Абхазской Советской Социалистической Республикой. В дальнейшем события развивались трагически. Не потому ли в ночь с 25 на 26 августа ей приснился зловещий дэв? Имя Ираклия Амэраджиби, убитого в 1992 г. во время войны между Грузией и Абхазией, когда он пытался спасти незнакомую журналистку, следует сразу за строфой о войне:

В уме не заживает мысль:
зачем во прахе, а не вживе
краса и стать спартанских мышц
Ираклия Амирэджиби?

Смерть его становится символом единения, а не разъединения двух народов. *«Воины-абхазы пришли попрощаться с убитым героем, павшим за свободу нашей общей родины — Грузии»*, — пишет, спустя годы, Нона Гамбашидзе [Гамбашидзе 2013: URL].

В этом контексте читается дата 27 сентября — день памяти и одновременно праздник для абхазцев, отвоевавших Сухуми (1993 г.). Для Грузии этот день стал «символом огромной боли, разрушения и невосполнимых потерь», которые повлекла за собой «братоубийственная война» [Чарквиани 2015: URL].

Но со мной
вот что недавно приключилось.
Я обещала, что смешлив
мой будет слог — он стал
прискорбен.

Так начинает Ахмадулина пятое стихотворение цикла. Прискорбный слог смешивается с запахом самшита (*«Вдруг ноздри вспомнили самшит»*) — символом скорби и бессмертия одновременно. Это вечнозеленое древнее растение используется для озеленения кладбищ. От самшита отпочковываются новые образы с включением таких слов, как «скончанье», «стенанье», «усилье ребер», и постепенно весь ассоциативный ряд реализуется в тему войны и разлада «людей с людьми», завершаясь апокалипсическим аккордом «скончанья дней».

В сакраментальном плане 27 сентября празднуется Воздвижение Животворящего Креста Господня. Это *«отрадно-грустное воспоминание событий обретения честного и достопоклоняемого древа этого Креста Господня»* [Скабалланович 2004: 7] удивительно созвучно скорбному плану современных событий. В связи с библейской датой прочитываются и другие детали. Например, самшит ассоциируется с Вербным воскресеньем, предшествующим распятию Христа: в Грузии православные в этот день украшают дома ветками самшита. Так вывязывается сложное эпическое повествование, затрагивающее множество уровней — исторический, библейский, литературный и автобиографический.

Весь цикл выстроен по типу кинопоэмы «Цвет граната» Параджанова, где времена и судьбы поданы сквозь биографию и произведения поэта Саят-Нова. Упоминание граната («*Младенец-плод, расцвел гранат. / Я это видела впервые…*») в третьем стихотворении цикла («Памяти Гурама Асатиани») устремляется и к «Гранатовому дереву у гробницы серафиты» Чиковани, и к эпизоду из жизни Ахмадулиной, которой была подарена веточка граната Гурамом Асатиани во время их прогулки, и конечно же к «Цвету граната», эстетикой которого Ахмадулина явно была околдована. Быстросменяющиеся, несколько театральные по образности картины «Снов о Грузии» воспринимаются сквозь призму этого шедевра кинематографии. В некрологе о Параджанове Ахмадулина писала: *«Параджанов не только сотворил свое собственное кино, не похожее на другое, он сам был кинематограф в непостижимом идеале, или лучше сказать: театр в высочайшей степени благородства, влияющий даже на непонятливых зрителей»* [Ахмадулина 1996: 160]. То же можно сказать и о ее творчестве. В своей поэзии она выстраивает храм, который зиждется на двух культурах и единой вере. Он несет в себе то, «что — прежде сущего всего». Лишившись этого, поэзия перестает быть.

Александра Стрельникова
Родилась на Украине, в городе Харькове.
Окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова.
Работала корреспондентом в харьковских и московских СМИ.
Член Союза журналистов. Член Международной гильдии писателей.

ПО СЛЕДАМ СТАТЬИ АНДРЕЯ БИНЕВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА О ПИСАТЕЛЯХ, ИЗДАТЕЛЯХ, ЧИТАТЕЛЯХ

Пожалуй, я не стала исключением из тех собратьев по перу, которым однажды захотелось выйти за рамки написания только статьи или очерка и попробовать себя в несколько ином жанре. Многие журналисты, рано или поздно, приходят к этому — желанию написать книгу. Это так естественно вытекает из самой профессии, которая связана со СЛОВОМ…

Однажды, когда мои приятельницы, сидя за чашечкой кофе, с особой серьезностью и озабоченностью обсуждали, что же они станут делать, когда выйдут на пенсию, я легкомысленно, но весьма оптимистично заявила: «На пенсии я буду путешествовать и писать романы...» К тому времени, о котором речь, у меня уже были написаны рассказы и повести. И я подумала: «А почему бы мне не издать сборник повестей? К тому же все повести удачно были связаны темой, которую можно было определить как „женские истории“. Пять женских историй — пять повестей, объединенных в одну книгу. Почему бы и нет?» — И стала обращаться в издательства, отсылая им аннотацию и фрагменты текста. Приходившие ответы были все, словно под копирку. Или — «неформат», или «извините, но наш издательский портфель уже переполнен». На фоне всех этих банальных отписок выделялось единственное письмо, присланное из одного киевского издательства (это происходило еще в мирные времена на Украине). Редактор, женщина, написала мне, что ей очень все понравилось и что я — просто находка для редактора, потому что «пишу так, что меня совершенно не нужно править». При всем таком «бальзаме», который вдруг пролился на мою душу, было одно «НО»... И это «НО» тут же меня весьма озадачило. Милая дама просила, чтобы я все московские названия заменила… на киевские. Мол, какая разница в каком городе происходят с героинями жизненные перипетии — в Москве или в Киеве…

Как редактора киевского издательства, чисто по-человечески, я ее хорошо понимала. Мы жили в разных государствах. Но в качестве автора… Ведь у меня были не просто женские истории, а это были еще и МОСКОВСКИЕ женские истории… И заменить, допустим, аббревиатуру МГУ, МИД, МГИМО... Арбат — на Крещатик?.. А как быть именно с московским духом, очарованием улочек и переулков столицы, которые я, конечно же, описывала в тексте?

Не сомневаюсь, что есть очарование киевских переулков и улиц. Но оно мне неведомо. Потому что я, к сожалению, никогда не была в Киеве, хотя родилась и жила на Украине. Мне стало ужасно грустно. Но от услуг того издательства я отказалась.

Однажды я подумала: «А почему бы мне не стать „сама себе режиссер»: и автор, и литредактор, и корректор, и верстальщик, и автор обложки в одном лице?» Оставалось только обратиться в издательство. И вскоре в Москве такое издательство я нашла. Так появилась на свет моя первая книга под названием «Когда сбывается несбывшееся...», изданная, разумеется, «за счет автора». Да, тот самый сборник из пяти повестей. Было это в 2012 году.

На сегодняшний день у меня изданы пять книг, среди них в том числе три романа. И когда я сегодня в интернете на десятках русско-язычных сайтов США, Нидерландов, Германии, Великобритании, Эстонии, Ирландии, Чешской республики, той же Украины и других вижу мои книги, я понимаю, что меня читают. И думаю, как хорошо, что в свое время я «сделала ручкой» всем тем издательствам, которые присылали мне отписки. Их отписки меня не отпугнули. Отнюдь. Пожалуй, отличие дилетанта от профессионала в том, что он не только знает, что хотел бы написать, но он точно знает, именно как он это сделает…

Да, согласна со многими мыслями, высказанными в статье коллегой Андреем Биневым. В том числе, и по поводу сегодняшней политики издательств. Да и сами издательства переживают не лучшие времена. На арене конкуренты — электронные книги. Меня умиляет, как некоторые «тонущие» издательства предлагают участвовать в конкурсе синопсисов, предлагать идеи, фактически дарить… Я в такие игры не играю. Глубоко убеждена, что ИДЕИ надо иметь СВОИ. Ведь даже в титрах кинофильмов иной раз указывают: сценарий такого-то автора, идея — такого-то… Потому что не было бы хорошей идеи, не был бы написан сценарий. Не было бы сценария —

не было бы вообще никакого фильма. Конечно, сейчас с электронной продажей книг стало больше порядка. Исчезли многие пиратские сайты. И сегодня цивилизованно предлагают ознакомиться с фрагментом интересующей книги, чтобы не нарушались права авторов. Вроде, все правильно. Но все это какие-то в итоге не реальные, а виртуальные деньги. Никто из моих знакомых — пишущих людей — на этом не заработал… Конечно, хотелось бы путешествовать на заработанное от продажи романов, как и мечталось… Пока что не получается. Хотя кое-где я конечно, побывала…

Помните советы Антона Павловича Чехова начинающим авторам: «Всякого только что родившегося младенца следует старательно омыть и, давши ему отдохнуть от первых впечатлений, сильно высечь со словами: "Не пиши! Не пиши! Не будь писателем!" Если же, несмотря на такую экзекуцию, оный младенец станет проявлять писательские наклонности, то следует попробовать ласку. Если же и ласка не поможет, то махните на младенца рукой и пишите "пропало". Писательский зуд неизлечим». Ну, что поделать: советы Чехова я не послушала. И все-таки приятно знать, что тебя читают, твои бумажные книги есть в библиотеках. Однажды на каком-то (пиратском сайте) я увидела название своей книги. Сервер был во Франции, а домен — на Кокосовых островах… И я подумала: «Ну, уж если даже на Кокосовых островах, то точно читают...» Вот как бы еще за свой писательский труд получать реальные, а не виртуальные деньги… Надеюсь, однажды это обязательно произойдет.

БЫВШИХ ХАРБИНЦЕВ НЕ БЫВАЕТ

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ВЫХОДЦЕВ ИЗ ХАРБИНА 2017

25–30 июня 2017 года в Харбине (Китай) состоялся Всемирный конгресс выходцев из Харбина. Конгресс «Вспомним историю, вместе создадим будущее» был организован Народным Правительством города Харбина с целью углубления дружбы и сотрудничества между столицей провинции Хэйлунцзян, бывшими харбинцами и их потомками.

После 55-65-ти лет разлуки с городом детства и юности вернулись в Харбин репатрианты 1940-х-1950-х годов из России, Израиля, Австралии, Литвы, Канады, США. Вместе с родившимися в Харбине, приехали на конгресс потомки харбинцев, никогда не видевшие этот город, но знавшие его по воспоминаниям отцов и дедов, по семейным архивам. Наибольшее количество делегатов прибыло из российских городов: Омск, Новосибирск, Хабаровск, Владивосток, Екатеринбург, Красноярск, Благовещенск, Москва. Самая большая российская делегация харбинцев была из Омска, ее возглавил Кирилл Макаров.

В работе конгресса из российской делегации участвовал заведующий кафедрой японоведения и корееведения Восточного института Дальневосточного государственного технического университета, профессор Амир Александрович Хисамутдинов — автор научных работ по истории русской эмиграции. Из Екатеринбурга на конгресс прибыл исследователь русского Харбина, доцент уральского федерального университета Сергей Смирнов. Из Москвы приехала Надежда Егорова — старший библиотекарь библиотеки Дома Русского Зарубежья. Большая делегация, возглавляемая председателем Клуба харбинцев Ромуалдом Озиевич (Romuald Oziewich) прибыла из Польши. Из Австралии на конгресс прибыли семь делегатов. Возглавляла австралийскую делегацию Наталия Николаевна Заика, семья которой 117 лет прожила в эмиграции, начиная с деда, приехавшего в Харбин с царской грамотой. В Харбине у него родились дети, а потом и внучка — Наталия. В состав австралийской делегации входили также: Влади-

мир Николаев, Александр Пенязев, Нина Олсон и Владимир Иванов. Среди делегатов из Австралии прибыли два исследователя русской эмиграции: Мара Мустафина из Сиднея, автор книги «Харбинские Досье» и Людмила Ларкина из Брисбена — автор статей и книг по харбинской эмиграции.

Делегация из Израиля состояла из восьми человек, среди них Эстер Алон, которая в 1961 году 20-летней девушкой в числе последних покинула Харбин. Спустя 55 лет она вернулась на родину. Ей очень хотелось побывать в доме, где когда-то ее отец держал магазин мехов. Эстер отметила, что в Харбине все изменилось до неузнаваемости, но отель, в который поселили делегатов конгресса, остался неизменным.

Из исследователей, проживающих в Харбине, в мероприятии приняли участие: профессор Цицикарского университета Ли Яньлин, директор музея писем харбинской эмиграции Ли Лян, Сергей Еремин — руководитель исторической секции Русского Клуба Харбина. Всего в работе конгресса приняли участие более 150 человек.

Гостям Харбина была предоставлена возможность побывать во многих исторических местах, в развитие которых свой бесценный вклад внесли русские — это железнодорожные станции КВЖД Имяньпо и Ханьдаохэцзы, Музей Харбинского политехнического университета, Музей провинции Хэйлунцзян, Музей КВЖД в здании знаменитого железнодорожного собрания (Желсоба). С большим трепетом и уважением к памяти предков посетили делегаты мемориальное кладбище Хуаньшань, где одни нашли могилы родственников, другие помолились в прикладбищенской часовне. На каждую могилу были возложены цветы, о чем предусмотрительно позаботилась принимающая сторона, раздав каждому гостю цветы перед входом на кладбище. Посетили делегаты так же церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в поселке Ханьдаохэцзы. Гостям показали музей «Отряд 731», расположенный в районе Пенфан, в пригороде Харбина. Здесь с 1932 по 1945 года находилась японская бактериологическая лаборатория и спецтюрьма, где японские оккупанты проводили страшные эксперименты над живыми людьми:

В день торжественного открытия делегатов приветствовал мэр Харбина Сун Сибин. Прозвучали приветствия китайских и зарубежных руководителей, ученых, представителей выходцев из Харбина. Участникам была предоставлена возможность познакомиться с выставкой фотографий, отражающих архитектурный облик города начала XX века, его представителей, культурную жизнь того периода. Были представлены фотографии из семейных архивов, присланные харбинцами специально для выставки, которые демонстрировались бегущей лентой на большом экране.

В ходе программы состоялся торжественный запуск сайта «Всемирные выходцы из Харбина», открытие «Музея еврейской истории и культуры в Харбине», презентация китайско-израильского индустриального парка, семинар с участием выходцев из Харбина — ученых и исследователей в области истории города. Каждый прибывший делегат нес в себе историю, которую нужно было успеть услышать и записать.

прививали вирусы тифа, холеры, чумы, делали обморожения, обливали кипятком, морили голодом, заживо вскрывали, чтобы наблюдать агонию. Эксперименты проводились с целью зафиксировать выносливость организма у людей разного возраста и национальности. Часть кадров, снятых японцами, хранятся в музее. Об «Отряде 731» своими воспоминаниями поделилась делегат конференции Наталия Николаевна Лалетина, родившаяся в Харбине в 1931 году. В 1954 году выехала в Латвию, где проживает по настоящий день, пишет воспоминания, издала две книги: «Японцы» и «Картинки с китайской натуры». В книгах она описала впечатления от жизни в Харбине в период японской оккупации. Об «Отряде 731» она знала и читала давно, но приехала сюда впервые и вот что рассказала: «Мои родители знали об "Отряде 731", но старались об этом вслух не говорить. Людей за малейшую провинность хватали и увозили в неизвестном направлении. Только после 1945 года, когда пришла Красная Армия, все эти ужасы

и раскрылись. Недалеко от нашего дома был целый город, где содержались будущие узники. Они писали на стенах о том, какие терпели пытки. У собора был японский железнодорожный кооператив, в котором работала мама. В течение дня туда приводили воров из этого магазина. В основном — китайцев и японок. Японок сразу отдавали мужьям и их увозили, а китайцев начинали пытать в подсобках. Под ногти забивали гвозди, иглы, в нос воду лили. Если человек украл ботинки — били палками по голеням. Избивали до полусмерти, они кричали, а моя мама плакала и уходила в это время подальше, чтобы не слышать. А потом этих пленников увозили в Пенфан».

Об «Отряде 731», вспоминает Ольга Бакич: «Об "Отряде" мы не знали, но о нем ходили слухи. Люди шептались, что у японцев за городом есть какое-то страшное место, где на людях проводятся опыты. Недалеко от Харбина была эта маленькая деревня Пенфан. Японцы всех из нее выгнали и сделали закрытую, военизированную зону. Набрали туда много китайских рабочих строить "Отряд". После завершения строительства, китайцы не вернулись домой. Потом в Харбине ходили слухи, что была эпидемия тифа, начали болеть только русские, потому что русским по карточкам давали хлеб, а китайцам не давали. Заразив людей, японцы наблюдали: сколько из зараженных погибнет, сколько выживет. Страшное было время».

Наталья Николаева-Заика вспоминает: «В период японской оккупации в Харбине японцы похитили дядю Михаила Свинарца. Он был двоюродным братом папы с материнской стороны. Его забрали, потому что он был человек советский. Японцы мучили, допрашивали, сделали укол тифа и выбросили во двор на кучу замерзших трупов. Через некоторое время он очнулся и вышел на дорогу, где его случайно увидел и подобрал сосед, и привез домой. Затем отвезли в железнодорожную больницу, но японцы на следующий день, обнаружив, что не хватает одного трупа, нашли его в больнице и на глазах сестры ему сделали умертвлявший укол».

Прибывшие делегаты много рассказывали друг другу жизненных историй своих семей, как харбинского периода, так и после того, о том, как вынуждены были оставить любимый город Харбин. Люди оставляли его в разное время. Всего были два крупных исхода русских из Китая.

Первый исход харбинцев начался в 1935 году в связи с продажей Советским Союзом железной дороги японцам. Многие работники железных дорог были вынуждены выезжать в западные страны, другие — в Шанхай, где еще превалировали западные концессии демократических направлений. Несколько тысяч русских вернулись на родину, где сразу же попали в списки арестованных, которые делились на две категории. Списки первой категории состояли из самых деятельных людей, на которых была нанесена резолюция — «расстрелять». На списках второй категории было написано: «заключить в лагерь». По данным Российского мемориала из 46.133 арестованных харбинцев в СССР были расстреляны 30.992 человека.

Второй массовый исход харбинцев начался с 1945 года. Тогда в апреле СССР объявил войну Японии. В ожидании советского наступления японские власти арестовали в Харбине всех, кто не желал им служить, включая женщин и детей, которых держали взаперти. Мужчин отправили рыть оборонительные рвы, а в маленьких городках мужское население расстреляли.

При освобождении Китая от японцев, положение русских не улучшилось. Началась операция Смерш («смерть шпионам»), организованная советскими органами. Смерш начал охоту на русских, работавших у японцев и тех «советских», которые по каким-то причинам уживались с властями. Всех их вывезли на Архипелаг ГУЛаГ. Оставшееся русское население Харбина отныне должно было стать советским, которое с 1954 года советское правительство стало активно зазывать в СССР на поднятие Целины. Как сказала мне одна харбинка в интервью: «Мы поехали по этому зову в СССР, потому что слово „Целина» показалось нам каким-то изысканным, многообещающим, в общем — красивым…».

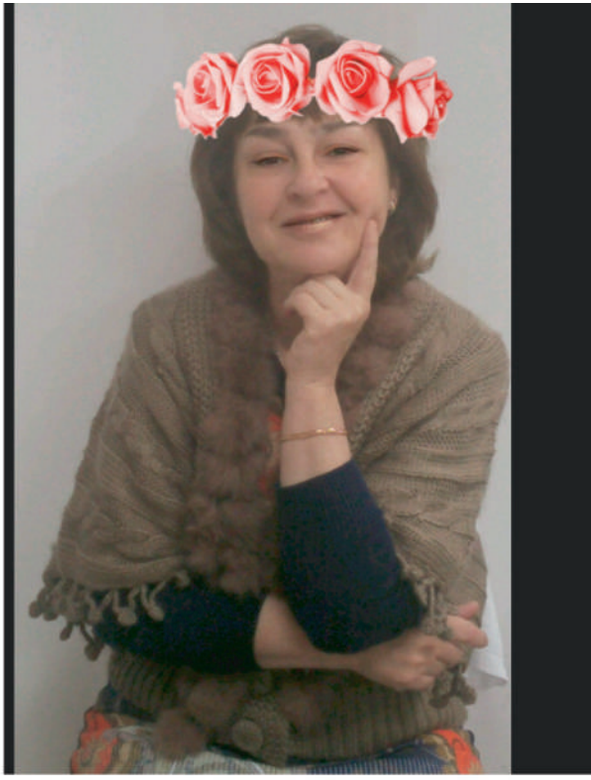
Тысячи людей попали в Казахстан, в Сибирь и в разные страны, включая Австралию. К середине 1960-х годов русской речи в Харбине уже не было слышно, лишь некоторые одинокие русские оставались доживать свой век в Поднебесной. И вот 2017 год. Правительство Китая раскрывает двери репатриантам и их потомкам, организуя прием на самом высоком уровне, предугадывая желания приехавших на конгресс харбинцев каждой этнической группы, будь то русский, еврей, поляк, латыш. Организаторы конгресса — Управление по иностранным делам Народного Правительства города Харбина успешно решили эту задачу. Все участники конгресса чувствовали себя, как дома. Способствовал домашнему уюту и легендарный отель «Модерн», куда разместили делегатов. В этом отеле когда-то останавливались Ф. Шаляпин, А. Вертинский. Портреты их и многих других выдающихся русских людей — выходцев из Харбина, висят в фойе отеля. Надо отметить, что многие харбинцы, прибывшие на конгресс, видели друг друга впервые или ранее слышали только фамилии, но уже в первые минуты знакомства, становились родными. Даже не зная друг друга, где бы не жили выходцы из Харбина, они навсегда оставались харбинцами. Как прилетевшая из Австралии на конгресс Наталья Николаева Заика в благодарственном слове на торжественном вечере закрытия конгресса напомнила присутствующим слова воспитанника харбинского политехнического института академика А. Ю. Самарина: «Бывших харбинцев не бывает!» Наталья Николаевна в своей речи также сказала: «Берегите историческую память города Харбина! Это был уникальный город, которого никогда уже не будет!»

Людмила Ларкина, член МГП

От автора: *Я родилась в Молдове, в семье профессора. С детства проявляла желание все достичь самой. Поэтому пыталась скрывать родство с известным папой и не менее известным дядей-композитором. Думала, что мне это прекрасно удается.*

Я отучилась в Академии Искусств, а по приезду в Израиль продолжила обучение в Бацалеле (Академии Художеств). С некоторых пор пишу в жанре – малая проза: короткие детективы, философские зарисовки и, конечно же, юмористические миниатюры.

Люблю общение, путешествия и жизнь во всех ее проявлениях. Люблю улыбаться людям, потому как улыбка, принося с собой положительные эмоции, располагает к общению.



КАРИНА МУЛЯР

ЧЛЕН МГП

ПИСЬМА

Не ищите истину, пытаясь дойти до заснеженного горизонта.
Истина рядом с вами.
Общение, сведенное к переписке по электронной почте.
Одиночество в семье.
Просто одиночество.
Нет лиц, невозможно видеть выражения глаз. Только мысли.

— Ты думаешь, что цивилизация спасет мир? Как бы не так.
Люди перестали думать, анализировать происходящее.
Нет смысла что-либо запоминать. Кстати.
Привет. Как дела?

— Привет. Не думаю, что ты прав. Разве еще 10 лет назад была возможность так свободно в течение нескольких минут связываться со всем миром? Разве мы с тобой могли познакомиться и не потеряться в этом человеческом круговороте?
Ты слишком сложен, и слишком умен.

— Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при всем при этом
Был и остался дураком...
Привет.
Ты говоришь, что проста.
Но простота — это категория. Это глубочайшая религиозная категория, которая символизирует… путь к бессмертию. Во как!

— Здравствуй! Ну ты и загнул, однако. Хотя знаешь, я, как у Чехова: «Чем непонятней он говорил, тем легче она его понимала».
Я что-то устала очень. Наверно одолел меня очередной депресняк. Что с этим делать? Неужели это от нехватки общения? От того, что мозги плавятся от бездействия? Ведь включаются они теперь достаточно редко. На все есть ответы в интернете. Лень думать. Что скажешь?

— И все ж представь, ни в зуб толкнуть
Согласие противоречий
Для головы моей овечьей
Непроницаемая муть. Веками ведь, за годом год
Из тройственности и единства
Творили глупые бесчинства
И городили огород.
А мало ль вычурных систем
Возникло на такой основе?
Глупцы довольствуются тем,
что видят смысл во всяком слове.
Привет. Ты что-то совсем раскисла — я смотрю.
Не стоит.

— Добрый вечер! Я тебе должна кое-что сказать.
Я так мечтаю увидеть тебя в реальной жизни. Просто посидеть, поговорить заумными фразами.
Я сейчас наверно лицемерю немножко. Ты спросишь почему?
Можно я не отвечу на твой вопрос. Хотя...
Вдруг ты и есть мужчина моей мечты?.. Почему ты медлишь с ответом?

— Да что ты! Еще как пишу.
Пишу и прозой, и дактилем.
Дошел в парении до поэтического апломба.
А ты говоришь — не писал.
Я больше, чем писал. Я думал, что пишу...
Привет.

— Мне скучно без тебя. Я не могу больше умничать.
Я хочу тебе сказать, что я… нет… я потом когда-нибудь тебе это скажу. Ладно?

На пятом этаже старой многоэтажки в окне, выходящем во двор, погас свет. Нил Петрович закрыл компьютер, поднялся со скамейки и медленно побрел в сторону дома. Вот уже целый год он переписывался со своей первой женой по электронной почте. Когда-то в молодости они по глупости разошлись.

Не ищите истину, пытаясь дойти до заснеженного горизонта.
Истина рядом с вами...

ЮЛИЯ КАШТАНОВА

ЧЛЕН МГП

Лингвист, специалист по английскому и испанскому языкам, переводчик документальных фильмов и преподаватель, автор и исполнитель песен на русском и испанском языках, автор книг для взрослых и детей, ведущая «Литературной площадки» на фестивале ролевых игр «Зилаткон» в Казани, ведущая семинара «Стихи для песен».

***

Время приходит. Считает года назад,
Белым трамваем от нас в ночи убегает.
Я не поэт. Я мотаю жизнь наугад,
Петли дождя стремительно рассекая.
В лужах, как листья, мимо плывут дома,
Шорохом судеб им вслед колыхнется ветер,
Белые ландыши высадит в снег зима,
Мы ж разбредемся по бытовой круговерти.
Память играет в шахматы с суетой.
Кто бы не выиграл — мне предлагает сдаться.
На остановку троллейбус пришел... пустой.
В эту эпоху куда нам одним податься?
Звезды над крышами спрашивают: «Когда?»
Я со стыдом опять бормочу: «Не знаю».
И из ночи сквозь день по стекольцам льда
Путь свой в туман в неведенье продолжаю.
Город затих. Я, укрывшись плащом росы,
Жду на площадке поезд «туда, где раньше».
Слышно, как в полутьме тарахтят часы,
Не позволяя шага направить дальше.
Я не поэт. Я — хвоинка, я — искра дня,
Пыль мирозданья, дальних миров осколок.
В сердце галактик, что память чудес хранят,
Вечно горит маяк тем, чей путь недолог.
Я же вращаю в пальцах веретено,
Шепот их слов на ветер времен бросаю.
Ясно грядущее. Сбудется ли оно?
Время нашепчет нездешними голосами...

БАТИСТОВЫЙ ПЛАТОК

Батистовый платок роняет красотка-капитан,
И юный офицер его в полете ловит.
На шпаги острие едва начавшийся роман:
Она — его кумир, а он — почти что понят…
Она взбежит по сходням, пушка грянет с борта,
Ее фрегат умчит в легенду… но без вас.
Французский городок она оставит гордо,
А вы ей пожелаете…
Что вы ей пожелаете?
Любви…
И в добрый час!

Снимает шляпу ветер — ни на сунн почтенья,
Кудрей освобождая водопад воронова
Крыла. А офицер тогда без сожаленья
Нырнет за ней с причала. Вот дела!
Ему кумир едва лишь улыбнется,
Она ему прошепчет: «Gracias, senior!»
А что ему? Пускай хотя бы обернется!
А может быть, вернется?
К нему опять вернется
В порт
«De sent Amour».

Вы ей вернете и платок, и шляпу у причала,
И прикоснетесь по-французски к пальцам рук.
А дальше — служба без конца и без начала.
Какой, позвольте, из военного супруг?
Она — в испанский порт, а дальше — на Тортугу,
А вас — неровен час — ее ловить пошлют!
А вы ведь даже не представлены друг другу!..
Но на знакомство ветер,
Шальной французский ветер
Дарит вам
Пару минут.

« Я, В ОСНОВНОМ, ВИЖУ ТОЛЬКО ХОРОШЕЕ…»

О МЕЧТАХ, ДРУЖБЕ И ДАЛЕКИХ ПЛАНЕТАХ

— Юля, давайте начнем наше интервью с вопросов, которыми часто заканчивают беседу. Ваш любимый фильм?

— «Место встречи изменить нельзя». Готова пересматривать бесконечно. Нравится все — режиссура, сценарий и актеры.

— Теперь понятно, почему герои вашего приключенческого романа «Синий камень» упоминают Жеглова и Шарапова, и даже, кажется, в чем-то хотят быть похожи на них. А есть ли у вас настольная книга?

— Есть! И это «Астрономия — век XX!».

— Научно–популярная?

— Скорее, научная. Я, когда пишу книги, люблю консультироваться со специалистами: историками, физиками. Это важно, чтобы не допустить ошибок

— В «Синем камне» все выглядит достоверно. А кто ваш любимый автор (или авторы) из фантастов?

— Кир Булычев! Его я первого прочитала, у меня хранится его книга «Тайна третьей планеты» с картинками. Я собираю его книги. Мне близки его взгляды: он провозглашает свет, гармонию, гуманизм. Мне нравится его устройство общества, близкое к Римской республике. Люблю и Стругацких, сказки и «Отель „У погибшего альпиниста“». Мне кажется, они находились в неком диалоге с антропологом и фантастом Фрэнсисом Корсаком, автором книги «Пришельцы ниоткуда».

— Давайте обратимся к вашему творчеству. В «Синем камне» у героев крепкая дружба. Это тоже от Булычева, как и настрой на гуманистические ценности? Многие сейчас разочарованы в дружбе, считают, что «каждый должен быть за себя». А вы думаете иначе?..

— Да, вы правы, многое от Булычева. Но у меня есть собственный опыт — прекрасный лицей, в котором я училась с седьмого класса. Нам было неважно, кто из какого класса, все были друг за друга горой

— Как ваши Джулия, Алекс, Сашка и Инка…

— Мы, как поступили, сразу пошли в поход в Крым, сразу узнали друг друга. Там и учились — история, биология, геология. Мы нашли греческий крест, отдали археологам, конечно. У нас были прекрасные учителя. Уже двадцать лет нашему выпуску.

— А Джулия из «Синего камня» — это вы? И это ваши друзья?

— Да я. И друзья — мои. Я ведь и начала писать когда-то о них и для них. Они были и моими героями, и моими читателями.

— Юля, скажите, пожалуйста, «Авантюризм для подростков — главная движущая сила» — это ваше кредо? А к себе, взрослой, вы можете это приложить?

— Конечно! Приключения — это движущая сила. Меня они преследуют, я в них попадаю и о них пишу.

— Вот еще о чем хочется спросить: герои — подростки (тот же «Синий камень»), оказавшись на чужой планете, попадают на войну. Они и командуют, и спасают, и прячутся от бомбежки. Это очень ярко и живо описано. Как вам удалось быть такой убедительной?

— Ну, опять помог Булычев. Он — сильный писатель, у него всегда хорошо прописаны действия героев. Мне важно, что ребята сравнивают себя со своими близкими, которые жили в годы Второй мировой войны, участвовали в ней. Это самая близкая по времени война, о которой можно говорить — не как о мифологическом событии, а как о том, что лично касается.

— Да, здесь антивоенный пафос какого-то правильного градуса. А для кого вы пишете?

— Если вы конкретно о «Синем камне», то для детей из интеллигентных семей.

— Юля, а переводческая и преподавательская работа помогает вам писать книги?

— Да, очень! «Документалка» часто приходит интересная. Например, о космосе. Можно использовать новые знания. А преподавание — это постоянная языковая практика. Лингвистика — основа культуры. Мне же нужно придумывать языки для новых рас.

— Космических?

— Да.

— А эсперанто вас интересует?

— Нет, он ведь был создан как мертвый язык. А древние языки интересуют. В лицее мы латынь учили все пять лет. Сейчас мне нужен словарь майя.

— Ну и, наверное, последние два вопроса. Что вас радует?

— Радует то, что книга не умерла, читать не перестали! Думаю, и не перестанут. То, что дети стали больше читать, что они не только компьютерами интересуются, а стремятся что-то делать руками.

— А разочаровывает?

— Не задумывалась (улыбается). Я в основном вижу только хорошее…

Беседовала Наталья Калинина

ПОЭТИЧЕСКИЙ САЛОН

ГЛЕБ ПУДОВ

ЭМИГРАНТСКИЕ СТРОКИ

И вновь — темнота.
Дыхание спряталось в норах
(остались собаки и два горемычных кота),
июнь опускает на небе французские шторы:
концерт завершен, и привычная сцена пуста.

Сижу у окна.
Князь Игорь стремится из плена
на родину милую, всюду — полыни стена.
Внизу шелестит серебристыми волнами Сена,
как будто помочь беглецу захотела она.

Рассвет далеко.
Успеет князь Игорь от стражи
на Русь убежать. Закрываю я тихо окно.
И мне бы на волю... Увы, не получится. Даже
не знаю я вовсе — бежать мне сейчас от кого.

Повсюду — мой плен,
повсюду — враждебные лики.
Живу я в тиши и от судеб не жду перемен.
Пусть Игорь бежал и пусть в этом он будет великим.
Когда-то он смог средь полыни подняться с колен!...

ВАЛЕНТИНА БЕНДЕРСКАЯ

КОЛДУНЬЯ-ОСЕНЬ

Когда в дни редкого затишья
Замолк разбойный ветра свист,
С колоды падают картишки:
Кленовый пик, червовый лист, —

Гадает вечная колдунья
Судьбу, что знает наперед,
Осветит правдой полнолунья
И с правдой истинной умрет…

Сгущая небосвода сень,
В момент досуга-ассорти
Картинки складывает осень
Из разноцветных конфетти…

ВЛАДИМИР РАЙБЕРГ

ИСТОК

Ни слова, ни лика, ни эха,
ни прописи слов,
Ладонь возвращает реку
в изначальность потока,
Где тихо сочится вода
сквозь гребенку осоки.
А проку еще от реки, коли нет берегов?! —
Стоянка стогов.
Изодралась рубахой нательной
Овчинка тумана о комли стволов корабельных,
А утро лицо умывает неспешной водой.
Здесь нет новостей
о посмертной дележке наследства,
Никто не крадет и не делит
ни старость, ни детство,
И даже гнилушке обязан лесной аромат.
А если по травам наотмашь
хлестнуть хворостинкой,
До неба пыльца золотистое облако вскинет,
И день окунется в зачатие новых эпох.
В которых ни вера в тотем ни в дикарство,
Блаженствует рыба в своем доязыческом царстве,
И мох укрощает деревьев таинственный вздох.
В пространстве кочевья стволы осязают ковчег,
Еще не замешаны в бурные воды притоки,
Но ярость стремнины
предчувствует рыбья молока,
И робко теченье берет свой грядущий разбег.

АНДРЕЙ СЕРДЮК

***

Опавшие листья, как прошлые годы,
Дожди размывают осенней порой.
По улицам мокрым спешат пешеходы,
Спешат кто куда от тоски дождевой.

Лишь мне от раздумия некуда деться,
Иду без зонта, в никуда, наугад;
А в памяти дни из вчерашнего детства
Любовью и дружбой со мной говорят.

ВЛАДИМИР РАЙБЕРГ

ПУТЬ

Куда бредешь, Седобородый,
Что позади? Что впереди?
У мелкой лужи ищешь брода,
Как будто остров между льдин.

Остановился, шмыгнул носом.
Поторопись, смелей шажки,
Чуть-чуть живей, иначе посох
Запустит в землю корешки.

Куда спешишь, Венец природы,
Сквозь отраженье на воде?
Твои пронесшиеся годы
В ушко надежды не продеть.

Звенят фальцеты в птичьем гаме,
Воронки яростно трубят,
И тень строптиво забегает
Дворняжкой впереди тебя.

Вот ты стоишь. Да полно, ты ли?
Иль я с седою головой?
И я готов расправить крылья,
Но цепко держит посох твой.

Но сквозь сгустившееся бремя
Прозрела щебетом весна.
Он останавливает время
Посевом горсточки пшена.

ЭВЕЛИНА ЦЕГЕЛЬНИК

РЫЖЫЙ ПЕС

Ярко-оранжевой псиною
Лижет полено костер.
Под котелок с осетриною
Клык подставляет остер…

Бьет по бокам мощной лапою,
Дымным виляет хвостом…
То подползет тихой сапою,
То вдруг взбесившимся псом.

К деду подкравшись сидящему,
Ловит, разинувши пасть,
Чурку сухую, блестящую
И наслаждается всласть.

Чуть замерев на мгновение,
Вновь начинает ярить,
Чтоб в котелке с исступлением
Дедову рыбу варить.

Дед, глухо шаркая туфлями,
Снял котелок и унес.
Скалясь потухшими углями,
Съежился рыжий пес.

НАТАЛЬЯ САВИНА

ПОРТРЕТ

У ведьмы старой ты в плену средь привидений,
И злые взгляды из картин бросают тени.
А в сумерках растет тоска, как паутина,
И рамку тянет, как рука, к тебе картина.
Парализована душа, а с ней и воля:
Тебе не вырваться уже ни в степь, ни в поле,
Не сможешь с птицами летать за облаками —
Тетрадь потеряна твоя, что со стихами.
Не сможешь больше ты мечтать при звездах летом…
Ты на стене уже висишь и стал портретом!

АЛЕКСАНДР-ОШЕР ШТЕЙНБЕРГ

ВОЛКИ

Когда тишина укутает горы,
Луну, нанизав, как фонарь, на вершину,
Волки, трассируя пули-взоры,
Ринутся в бой за нечистую силу.

Крови напившись, наевшись мяса,
Порвав не одно невинное тело,
Стая взвоет и станет ясно —
Дьявол ликует, сделано дело.

Волчонок младший, последний в стае,
Уйдя от матери, взвоет тоже,
Крови попробовав, больше не станет
Пить молоко из маминой кожи.

Шкуры дыбом, зубы пилою,
Ты в зоопарке не встретишь волка,
Он за решеткой живет другою,
Жизнью мертвою, как наколка.

На плече зубастая морда
Хочет броситься, да не может,
Хоть и на солнце смотрится гордо,
Но хозяин пьян и ничтожен.

Вот луна спустилась по склону,
Волки воют, прощаясь с ночью,
Сильных и смелых приветствуют горы,
Эхом пугая облака- клочья.

Дьявол? Бог? Кто придет на смену?
Сильные будут живы и завтра,
Видно, бог творил не умело
Слабых, ничтожных — волкам на завтрак.

Я поднимаю бокал сухого,
Это не кровь, вино прекрасно.
Тост мой за бога! Судьба сурова,
Но средь волков быть живым — это счастье!

Горы приняли, горы дали,
Дьявол прошел, не тронув святого.
Значит, ангелы где-то витали,
И волки ушли, нас оставив в покое.

Но малец, расхрабрившись видно,
Зубы оскалил, с намеком что ли?
Волком быть в зоопарке стыдно,
Трусом быть позорнее вдвое.

ЭДИТА ПЬЕХА

ГОСПОЖА ПЕСНЯ

Эдите Пьехе исполнилось... 80 лет. Юбилею этой замечательной, уникальной певицы (ее называли «женщиной без возраста»), я и посвящаю эти свои заметки и воспоминания о встречах с ней.

Однажды, когда я приехала из Германии на родину, в Санкт-Петербург, у меня образовалось небольшое временное «окошко», и я позвонила по телефону почему-то именно ей, спросив о возможности встречи, на которую я, честно говоря, мало рассчитывала, имея уже богатый опыт общения со «звездами» и зная их нравы. Но она сказала мне просто: «Пожалуйста, Мариночка, если хотите, приезжайте ко мне домой завтра, но если вам надо срочно, то сегодня я буду на песенном конкурсе почти в центре города, и в паузе мы сможем пообщаться». Так я оказалась на конкурсе-фестивале молодых исполнителей эстрадной песни в одном из дворцов культуры Санкт-Петербурга, где она была членом жюри. Я сидела в зрительном зале, пытаясь настроиться на волну большого праздника, каким всегда в былые времена была для меня встреча с Песней. Встреча ощущалась: сменяющие друг друга звуковые, шумовые, цветовые эффекты, то и дело выпускаемый на сцену и в зрительный зал дым. Прыгающие и скачущие вокруг певцов танцоры, быть может, всерьез пытающиеся спасти песни, которых, на мой взгляд, практически и не было — и слова, и музыка были вторичны, не доходили ни до души, ни до сердца, хотя порой и вызывали шум, свист и топот в зале. Честно говоря, от такого зрелища хотелось поскорей где-то отдохнуть, чем-то успокоить-

ся. И с не очень хорошим настроением протиснувшись между курящими исполнителями, я постучалась в актерскую уборную за сценой, где отдыхала Эдита Станиславовна Пьеха. Я сразу попала в совершенно другую атмосферу: покоя, интеллигентности, дружеского внимания и понимания. Мне стало легко, тепло и хорошо, и мы начали беседу. Передо мной сидела чрезвычайно милая и красивая женщина с удивительно чистым биополем, которое с момента встречи так благотворно подействовало на меня, что я, может быть, впервые всерьез поверила в экстрасенсорику и биоэнергетику, и, конечно, успокоившись, начала записывать.

— Эдита Станиславовна, пожалуйста, выскажите ваше мнение о современной эстраде. Кого можно назвать сегодня настоящими «звездами»?

— Конечно, есть талантливые артисты, личности, но много обыкновенных, безликих, как елочки разнаряженных, которые при этом себя большими звездами именуют. А ответ на этот вопрос можно будет довольно скоро получить: вот вы сейчас запишите, кто сегодня выступает на эстраде, а потом увидите кто выживет. Искусство — это естественный отбор, а понятие «талант» — относительное, всегда надо сравнивать с другой величиной. Настоящая величина побеждает, но только в сравнении, потому что не бывает абсолютных величин.

— Вы можете сравнить сегодняшнее положение на эстраде с тем периодом, когда вы начинали?

— Я как раз и боюсь сравнивать с периодом моей молодости, потому что тогда было одно, а сейчас — другое совсем, у меня нет идеалов, с которыми я могла бы сравнивать.

— Как вам сегодня живется?

— Опять идет борьба. В начале своего творческого пути я боролась за то, чтобы отстоять свое место, никому не мешая. Но находились даже свои коллеги-артисты, которые в прессе выступали, называя меня заезжей звездой, пропагандистом буржуазной идеологии —такой абсурд! Но я все же доказала, что я — артистка, которая исполняет песни о людях, приходящих на мои концерты, и о себе самой, и старалась это делать так, как это чувствовало мое сердце. Я ведь вообще понятия не имела о буржуазной идеологии. А вот публика меня уважала и уважает, и я хожу по любому городу как своя, как будто у меня весь город — родственники. И это не только в Петербурге. Как-то на зарубежных гастролях одна женщина буквально пристала на улице, говорит: «Вы из Луганска, я вас очень хорошо знаю!» — «Нет, — говорю, — я не из Луганска». — «Но я вас очень хорошо знаю!» — «Знать-то вы меня знаете, — отвечаю, — только не из Луганска я!» Она мне еще долго это доказывала, а потом вдруг говорит: «Ой, да шо я говорю, вы же Эдита Пьеха!» Понимаете, я своя среди людей, я заслужила это место — быть своей и дарить им все, что я могу, искренне и честно. Это мой стиль, моя религия, а другой у меня нет. А, к сожалению, сегодня существуют совершенно другие правила игры и опять приходится за себя бороться. Это очень и очень трудно.

— Эдита Станиславовна, а если бы вам пришлось снова начинать путь на эстраду, как бы это было?

— Я думаю, что не смогла бы это сделать, потому что я совсем другая. Мне очень повезло, что я пришла на сцену в свое время, и мое место в этой стране пустовало, и, оказавшись здесь в 1956 году, я сумела это место занять.

— Для этого тоже нужна была пробивная сила?

— Нет, ничего не нужно было абсолютно. Находились люди, которые поддерживали. Например, выступление в новогоднюю ночь с 1955 на 1956 год в Консерватории с самодеятельным ансамблем студентов решило мою судьбу. Я четыре раза «бисировала» песню, которую пела, и после этого через три дня я уже записала пластинку, а через 2-3 месяца уже снималась в кино. Потом было много концертов, бесплатных, естественно, — мы ведь выступали с самодеятельностью, но о нас уже снимали кинохронику. Интерес зрителей, интерес творческих людей к нам был огромный, тем более что Броневицкий, тогда выпускник консерватории, организатор и руководитель ансамбля, был авангардным музыкантом, музыкантом — который опередил свое время. Он умер в 1988 году, а разошлись мы с ним в 1976 году. И конечно, его борьба с худсоветами, с консерватизмом и невежественной критикой отняла у него много сил и здоровья.

— А как ваша дочь Илона?

— А Илоночка — моя прелесть. Я как мама ее обожаю, но и восторгаюсь, и уважаю ее за умение не теряться, делать то, что запланировала, и добиваться цели. Она — талантливый человек и единственное, чего у нее нет, — мецената, который финансировал бы ее творческие идеи. Она родила мне двух внуков Эрику и Стаса.

— Эдита Станиславовна, а что все-таки, по вашему мнению, главное для женщины в этом трудном мире?

— Я против женщин, которые считают, что одиночество — это их пристань. Это очень горько для женщины. Если ей 40 — еще ничего, может быть. Но женщина обязательно должна встретить человека, чье плечо послужило бы ей опорой, когда красота уже уйдет. Здоровье будет, если женщина не одинока, и если кто-то рядышком помогает ей следить за своим здоровьем. С особым почтением я отношусь к женщинам, которые отдавали свою энергию близким. Я тоже старалась всегда это делать. Если прозвенит вдруг звоночек: «Что, Эдиточка

Станиславовна, пора на отдых? Уже публика твоя тоже ушла "на отдых"», — тогда я уйду, и со мной останутся близкие мне люди. Конечно, лучше было бы, если бы одним из них был любящий и заботливый муж...

— Вы бывали в Германии?

— Вы знаете, я побила все рекорды поездок во времена ГДР: тридцать раз была там на гастролях и почти столько же снималась в фильмах. Однажды я получила там денежную премию, которая была очень кстати, так как на суточные в советское время нельзя было нормально прожить. В советское время пела и в Западном Берлине, а в 1972 году Магомаев и я выступали на Олимпийских играх в Мюнхене. Выступала и в наших воинских частях, располагавшихся в Германии, благодаря этому даже выучила немецкий язык: «Ихь канн шпрехен дойч!»

— Скажите, как вам удается сохранить женственность, красоту, молодость? Или это природный дар?

— Конечно, что-то и от природы. Хотя я не была баловнем судьбы. Я родилась во Франции. Туда из Польши уехал в тридцатые годы мой отец с семьей в поисках работы. Он работал там на шахтах и умер от силикоза, когда ему было 36 лет, а мне — четыре года, и мама год была в трауре. Это была одна печаль, а еще и война, оккупация во Франции — мне было два года, когда война началась, а потом, когда она закончилась, через три года умер мой 17-летний брат, и тоже на шахте — и опять траур. Потом мама вышла замуж за нелюбимого человека, и ее трагедия стала и моей трагедией. Я маленькая уже переживала трагедии вот такого рода. Отчим меня не любил, очень жестоко воспитывал. И вот я решила взять у жизни такой реванш — все, что мне не досталось, дарить людям. Моя первая профессия — учительница начальных классов. Дети меня любили, хотя я только три месяца была их учительницей. Потом меня направили на учебу в Советский Союз уже из Польши, куда я 9-летней девочкой с семьей вернулась после войны. А пела я всегда. Я верую в Господа Бога и в судьбу, и поэтому, оказавшись здесь, я нашла свое место, предназначенное судьбой — быть артисткой. Вот я уже ею и являюсь так много лет. Из всех артистов, здравствующих ныне на эстраде, по стажу работы и количеству гастролей я на первом месте. В общем, я — ветеран.

— И, тем не менее, в вас не чувствуется «звездной болезни», которую я так часто ощущала при беседах с другими знаменитостями.

— Это и не должно чувствоваться. Это не украшает артиста. Настоящий артист должен светиться, излучать тепло, красоту, доброту. Неприступность отталкивает людей, нельзя людей обижать.

— Наверное, поэтому вы и сохранили красоту?

— Облик человеческий светится изнутри, и если человек там, внутри, гнилой и не очень качественный, это проявляется и во внешности. Мне уже так много лет — страшно даже подумать сколько, а я действительно неплохо сохранилась, и не только потому, что умею следить за собой, хотя это тоже один из факторов, но не главный, конечно, — самый главный — это душа человеческая, совестливость, сердечность, воспитание, умение относиться к людям и к себе по-человечески!

— А что бы вы пожелали нашим читателям?

— Пригласить меня на гастроли. Потому что я не подведу, мне просто хочется воскресить в тех людях, особенно женщинах, которые будут читать ваш журнал, их молодость. А обиднее всего бывает за наших «новых звезд» — это примерно то же, что и «новые русские», когда они приписывают себе успех за границей в качестве успеха у американской или немецкой публики — но это же ложь! Они собирают только русскую эмиграцию. Вот мне действительно приходилось выступать для иностранцев, и они меня понимали. Например, я выступала в Афганистане — так я действительно выступала для афганцев, и они меня приняли. Это удивительно, как они писали: «Браво, советская Ханум!» Я выступала в странах Латинской Америки, и они писали: «Браво, Эдита!», то же самое было в Венесуэле, Перу, Гондурасе, Коста-Рике, Боливии. На Кубе я выступала перед кубинцами пять раз, и вряд ли кто из наших современных «звезд» может похвастаться таким успехом. Дело в том, что настоящее искусство понятно всем, оно доходит до сердца и не нуждается ни в украшениях, ни в дымовых эффектах.

Мы сердечно попрощались с Эдитой Станиславовной и договорились о новой встрече. И она состоялась в Баден-Бадене, где проходил фестиваль «Дни Российской культуры», на котором я работала корреспондентом. Меня поразило тогда то, что эта удивительная, любимая мной еще с детства женщина и певица, прилетела в этот город всего лишь на полчаса, так как завтра в Москве ее ждали для съемок фильма о ней к юбилею. Но и за те лишь несколько минут она сумела сказать очень важные вещи, о которых я помню до сих пор, хотя миновало уже 5 лет:

«Сейчас мне 75 лет — я сразу скажу вам об этом, чтобы вы не подумали, что я… старше, — с улыбкой сообщила она. — В 1950 году я приехала на учебу в Советский Союз. В то время возможность учиться в Союзе считалась огромным событием и большой наградой для человека. После польской и французской глубинок, где я жила, я оказалась в огромном городе и, как это не странно, сработали мои гены, я не растерялась, я чувствовала себя так, как будто мне это положено, потому что судьба так распорядилась, чтобы я оказалась в городе Ленинграде. Там я повстречала человека, который взял меня за руку и подарил судьбу артистки. Университет я заканчивала заочно. А вот артисткой стала не вопреки своей

мечте быть учительницей, из меня получилась учительница на сцене. Потому что люди верят мне. Выходя на сцену, я чувствую, что приковываю внимание к себе. Может быть, так и должно быть у каждого артиста — чтобы к нему притягивало. Я же просто любила петь, мне нравилось дарить радость — что я пою, и людям это нравится. В эти минуты я думала, что летаю, я забывала о том, где нахожусь на самом деле. Но, как я уже сказала, годы летят, и в этом году исполняется 55 лет, как я нахожусь на сцене и 75 лет, как я иду по жизни. Я всегда стремилась к чему-то такому, что радовало бы прежде всего меня саму, чтобы у меня были мурашки по коже. Если мне предлагали новую песню, и меня это взволновало, значит, я должна подарить песню людям. Меня часто спрашивают: «Вы счастливы?» Да, мне посчастливилось ощущать сверхрадость, именно это я называю счастьем, когда тебя понимают, когда ты выходишь на сцену, и в зале сидят люди, которые тебя слушают. Для меня было приметой — если во время моего концерта, кто-то ронял номерок от гардероба, то мне казалось это из-за того, что я плохо пою. А уши у меня работали, как маяки, потому что меня никто не обучал музыке. Я все слухом, интуицией, нутром в этой жизни определяла. Я, конечно, тоже в чем-то заблуждалась, но умела вовремя оценить ошибки и не повторять их.

Жизнь связала меня с песней, благодаря Александру Броневицкому, который стал моим коллегой, мужем. Он ввел меня в мир музыки. Моя мама была простой шахтерской женой, но очень талантливой от Господа Бога. Она сама играла на мандолине, пела в хоре костела, от нее я и обрела любовь к пению, и вместе с ней мы пели рождественские песни. Эта любовь к пению зародилась в моем сердце как спасение, когда было очень трудно и больно. Ведь с двух до девяти лет у меня была война, расстрелы, смерть папы, брата, траур мамы два раза за два года.

И вот все это испытав, я сумела по достоинству оценивать те маленькие радости жизни, которая судьба мне дарит. Сегодняшняя молодежь — сродни бабочкам, они летают, радуются, танцуют, но они не знают, что в жизни есть еще и другая сторона и, не дай бог, им это узнать. А я благодарна судьбе, благодарна вам, что вы пришли на эту встречу. Если судьба распорядится, то я мечтаю приехать с концертами и в Баден-Баден, и в другие города Германии, где живут люди, для которых мои песни — это их молодость, и я сумею им эту молодость воскресить». — Попрощавшись, она покинула помещение исторического Баден-Баденского «Курхауза» и уехала в Аэропорт.

Ее близкая подруга, музыкальный режиссер, создавший более 400 кинокартин об известных деятелях культуры, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории, заслуженный деятель искусств, сестра известного шахматиста с мировым именем Ирина Тайманова, с которой я познакомилась, а затем и подружилась, дала мне аудиоинтервью (в течение многих дней эта замечательная женщина садилась перед микрофоном и отвечала на мои вопросы и пересылала их по электронной почте). Вот, что она сообщила о Эдите Пьехе:

«Мне так отрадно, что почти у каждого из нас есть нечто от Эдиты Пьехи. В мою жизнь она вошла, когда я была еще школьницей, с песней: „Стань таким. Как я хочу!“. В каждом из нас живет детство. Я думаю, что Эдита Станиславовна пронесла эту память о детстве через судьбу каждого из нас. Когда я еще была ученицей консерватории, то меня удивляло то, что она принесла с собой на эстраду. Тогда эстрада в России была довольно скованной. До нее только Клавдия Шульженко умела красиво говорить. Однажды, когда студентка Пьеха вышла из университета, красивый молодой человек, Александр Броневицкий, позвал ее: „А ну-ка, дылда, подойди сюда! Ты знаешь языки?“ Эдита знает несколько языков: французский, польский, русский, она может говорить по-немецки и петь по-испански. У нее очень чуткий слух на языки и, где бы она не появля-

лась, она могла общаться на этих языках. Она очень образованная, поэтичная. Но вначале была высокая, статная девушка, далекая от той тоненькой, элегантной и стильной Эдиты Пьехи, которая пронесла себя через пять десятилетий на эстраде. Я ее застала уже звездой. Мы познакомились, когда сын великого Шостаковича, Максим, однажды привел меня и мужа, композитора Владислава Успенского, в современный дом одного из районов Ленинграда, и я сильно перепачкалась, пока шла к ее дому. Грязь там была непролазная, и вот прямо в шубе и сапогах муж Эдиты Пьехи поставил меня в ванную и начал мыть душем. Мне тогда было 19 лет, а они все были старше меня, но я увидела, какая Пьеха удивительная хозяйка, какая она веселая, романтичная, какая она открытая, хотя в жизни она, на самом деле, замкнутая и закрытая. Она выплескивается на сцене. Потом ученик Шостаковича стал писать ей песни, и они стали знаменитыми. Песня о блокадном хлебе, например. Как порой рождаются песни… Вот, когда в Ленинграде отмечался день снятия блокады, нам заказали одну такую песню. Мы шли по московскому проспекту и думали, что можно сказать нового об этом. Эдита споткнулась и подняла какой-то замерзший кусочек и сказала: вот же тема песни, кусочек замерзшего черного хлеба. И были написаны такие стихи:

Хлеб, который деды растили
В поту до конца своих лет.
Святой для Франции, Польши, России —
Хлеб, хлеб, хлеб...

Хлеб под ногами, хлеб под ногами —
Торопятся люди, проходят молчком,
Четыре пайка лежат блокадных
В городе моем...

Эта песня существует уже 40 лет. Вот так мы однажды сочинили песню: поэт, композитор В. Успенский, и я режиссер Ирина Тайманова снимала не раз эту надпись на Невском. А потом появились песни: „Найди меня“ и еще одна „Следующий!“, страшная песня, когда по всему миру сыновья дочерей убивают... У Эдиты было много разных поворотов на эстраде: то девчонка, которая пела на эстраде песни: польские, венгерские, русские, украинские. Она пела песни народов мира — знание языков ей помогало. Потом она вдруг стала романтичной „Анной Карениной“ и выходила в стилизованных платьях, потом она могла сыграть восточную принцессу, потому что ее муж — талантливый композитор Александр Броневицкий ставил для нее вместе с ансамблем „Дружба“ маленькие спектакли… Потом она вдруг заняла нишу публицистической песни и пела такие песни как „Никогда не бывать смертям!“, про блокадный хлеб и „Огромное небо, огромное небо“, о двух летчиках, которые летели над городом и у них разбился самолет. У нее были повороты разные в истории и жизни, которые, как новеллу, она выносила на сцену.

Счастливый ли человек Эдита Пьеха? Не уверена в этом, потому что девочка, которая хотела стать учительницей, неожиданно стала популярной звездой. В чем была ее новизна? Она первая сняла микрофон со стойки и пошла в зал. Она первая пела на очень многих языках. Она первая инсценировала песню. Она первая меняла по 5-6 костюмов, чтобы концерт был спектаклем и наоборот. Она стала любима многими поколениями слушателей, она родила дочку Илону Броневицкую, которая тоже очень мило и интересно поет на эстраде и замечательно ведет фестивали, праздники. Она создала двух внуков — Стаса Пьеху, который тоже стал известным певцом, а внучка стала архитектором, придумывает дизайн. Эдита прожила и живет яркой жизнью, и залы, где вмещается 4.5 тысячи человек, она собирает полностью. К ней идут и те, кто знает с детства ее песни, и те, которые стали звездами. Например, Алла Пугачева. Когда-то давно Алла Борисовна сказала Пьехе: „Вечная вы наша!“ А разве вам сегодня не кажется, что именно Алла Борисовна чувствует себя вечной? Никогда не следует ни словом, ни даже взглядом обидеть того, кто взошел на этот постамент любви к зрителям. Эдита — чистый, романтичный и гордый человек. Она делает много добра в жизни. Она может подобрать собаку на улице, так она приютила четырех собак, хотя ее же собака ей изменила судьбу. Эдита была очень спортивна, и вот собака бежала к ней на полном ходу и уронила ее, ударившись огромной головой сенбернара в ее колено. С тех пор у Эдиты очень плохо с ногой, и она от этого стала полнеть, потому что долгое время провела в постельном режиме. Но она преодолела и это. Она преодолела невзгоды и разочарования, испытания и преграды. Она сумела в тот момент, когда расталась с Броневицким, найти и свою дорогу. Когда-то он пришел на ее концерт, восхитился и сказал: „Какая ты молодец!“ И он не смог жить без нее, и его не стало. А она стала устраивать в память о муже и учителе творческие вечера. Она — личность, Эдита Пьеха. Я нередко была режиссером, снимавшим фильмы о ней. Мы прошли огромную, яркую дорогу дружбы. И эта дорога еще продолжается».

Ну а мне вдруг вспомнилось, как на триумфальном выступлении Пьехи во время международного фестиваля на Кубе ей была подарена пластинка с надписью, подтверждающей ее триумф: «Госпоже Песне — Эдите Пьехе». И я решила так именно назвать этот свой материал.

Марина Ламбертц-Симонова, член МГП

СЪЁМКА БУКТРЕЙЛЕРОВ ПОЭЗОФИЛЬМОВ ИМИДЖЕВЫХ и КОРПОРАТИВНЫХ МИНИФИЛЬМОВ

Любое хорошее начинание, как и бизнес, независимо от того, только раскручивается или уже существует, нуждается в продвижении!

Увеличение продаж, создание бренда, донесение той или иной информации — цели могут быть разными.

Расскажите о себе потенциальным потребителям. Ими могут быть люди самых разных сфер — но обязательно те, кому вы сами или то, что вы предлагаете, интересно!

Сегодня время социальных сетей и YouTube, если вы еще не имеете собственной видео презентации, значит, вы отстаете от конкурентов!

Видеофильмы удобны не только для позиционирования в интернете, вы всегда можете использовать их для представления на различных мероприятиях, конференциях и выставках. Качественный видеоролик о вас, деле товаре или услуге, демонстрирующий все ваши преимущества, позволит презентовать себя на самом высоком уровне.

Что такое буктрейлер?! Это одноминутный видеоролик, который включает в себя яркие и узнаваемые моменты книги. Цель такого ролика — привлечение внимания к вашему изданию.

Первые буктрейлеры появились в России в 2010 году и за последнее время стали очень популярны. Обусловлено это еще и тем, что площадкой для показа роликов стал YouTube. Зрительская аудитория этого видеохостинга насчитывает сегодня свыше одного миллиарда пользователей из самых разных уголков мира. Сайт YouTube переведен на 61 язык. Каждую минуту здесь добавляется более 100 часов видео. Так что, буктрейлер — это возможность заявить о себе на весь мир. Кроме того буктрейлер можно загрузить на собственный сайт, выставить на площадке интернет-магазина, где продается ваша книга и т. д. и т. п.

Возможности трансляции буктрейлеров не ограничены, воспользуйтесь предложением и расскажите о ваших книгах посредством визуализации. Как показывает практика, чем больше людей посмотрят книжный ролик, тем будет выше спрос на книгу среди читательской аудитории. Все взаимосвязано — решение остается за вами.

Все, кто желает снять свою книгу,
могут обращаться в секретариат
secretariat@ingild.com

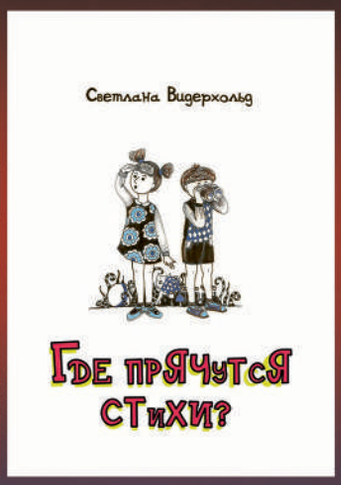
ПИШЕМ И РИСУЕМ КНИГУ!

ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ

Завершен еще один, на этот раз детский конкурс, организованный нашей МГП. Оргкомитет благодарит участников, мам, пап, бабушек, дедушек и преподавателей, кто помог ребятам прислать нам свои работы. Проект «Нарисуем книгу!» был придуман Международной гильдией писателей, немецким издательством STELLA, поэтом Мариной Ламбертц-Симоновой. И нам очень отрадно, что его поддержали сотни ребятишек из разных стран мира.

РИСУЕМ ВМЕСТЕ!

ДЕТИ – ДЕТЯМ



Учредитель:
Международная гильдия писателей
www.ingild.com

Издатель:
© Издательство STELLA
www.stella-verlag.com

ISBN 978-3-95772-115-0

9 783957 721150

Дизайн:
© В. Цветков
Ответственный секретарь:
Л. Баумгартен

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции. Редакция не несет ответственности за достоверность фактов и сведений в авторских материалах. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции. Редакция оставляет за собой право редактировать присланные текстовые и иллюстративные материалы.

На обложке:
Dosso Dossi - Portrait of a Warrior